

Всемирная история

Елена БРАУН

РИЧАРД III И ЕГО ВРЕМЯ

РОКОВОЙ КОРОЛЬ ЭПОХИ ВОЙН РОЗ

Всемирная история (Вече)

Елена Браун

**Ричард III и его время. Роковой
король эпохи Войн Роз**

«ВЕЧЕ»

2016

Браун Е. Д.

Ричард III и его время. Роковой король эпохи Войн Роз /
Е. Д. Браун — «ВЕЧЕ», 2016 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4444-9268-0

Ричард III (1452–1485), пожалуй, самый известный и самый загадочный король Средневековья. Он захватил трон, отстранив от власти собственных племянников, но современники не видели в его действиях ничего особенного; однако, уже через несколько десятилетий Ричарда III стали считать злодеем и предателем. Шекспир описал его как монстра, «урода, горбатого и телом, и душой», а уже в начале XVII в. у Ричарда III появились первые защитники. Историки спорят до сих пор — одни провозглашают его образцом добродетели, другие — двуличным выскочкой и убийцей. Каким Ричард III был на самом деле? Почему у него настолько скверная репутация? Ответы попытаемся отыскать в этой книге.

ISBN 978-5-4444-9268-0

© Браун Е. Д., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Ричард III и его время	6
Предисловие	6
Глава 1. «Урод, горбатый телом и душой»[1].Ричард III в произведениях Шекспира	8
Глава 2. Ричард Йорк и его супруга Сесилия (1415–1452)	24
Глава 3. В безопасности в замке Фотерингей (1452–1459)	35
Глава 4. Дитя войны (1459–1461)	45
Глава 5. Воспитанник всемогущего Уорвика (1461–1464)	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Елена Браун
Ричард III и его время
Роковой король эпохи Войн Роз

© Браун Е., 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Ричард III и его время Роковой король эпохи Войн Роз

Предисловие

Ричард III Йорк – личность поистине уникальная. Несмотря на то что он правил Англией всего два года (с 1483 по 1485-й), его царствование стало для историков буквально яблоком раздора. К настоящему моменту «великий спор» о Ричарде III длится почти 500 лет, но дискуссия все еще продолжается. В XIX–XX вв. исследователи до хрипоты и личных обид спорили о том, виновен ли Ричард в убийстве своих племянников, травил ли он жену, планировал ли жениться на собственной племяннице и т. д. и т. п. Дело доходило даже до открытых ссор, маститые историки в буквальном смысле переставали здороваться друг с другом. С течением времени страсти несколько утихли, аргументы стали менее эмоциональными, однако по-прежнему существуют ричардианцы и антиричардианцы, по-прежнему одни провозглашают Ричарда III великодушным правителем, которого погубили собственные отвага и благородство, а другие – кровавым тираном.

Разумеется, современные историки знают о Ричарде III намного больше, чем ученые XVIII–XIX вв. За время дискуссии защитники Ричарда сумели доказать несостоятельность большинства предъявлявшихся ему обвинений, но им не удалось ни оправдать совершенный им государственный переворот, ни выяснить судьбу племянников Ричарда III – знаменитых «принцев в Тауэре». Казалось бы, здесь и следовало поставить точку, перестать спорить и решить, что истина, как это обычно бывает, находится где-то посередине. Ричард III не был ужасным тираном, но и ангелом он тоже не был; его действия не вписываются в современные представления о морали, но не выходят за рамки типичного для XV в. уровня жестокости. Однако остановиться на этом «среднем» уровне и описать царствование Ричарда III «без гнева и пристрастия» почему-то не получается. Каждый исследователь, взявшийся за создание биографии этого короля, либо начинает говорить об «аморализме Ричарда III» и «кровавом государственном перевороте» 1483 г., либо ревностно становится на его защиту. Наверное, именно в этом и кроется секрет обаяния последнего из Йорков – к нему невозможно остаться равнодушным.

Стоит отметить, что массовое сознание неравнодушно к Ричарду III несколько по-другому. О Ричарде Глостере знают все или почти все сколько-нибудь образованные люди, однако «расхожий» образ этого монарха не выходит за рамки одноименной трагедии Шекспира. Само имя Ричарда III вызывает в памяти освещенные факелами готические своды, интриги и тайные убийства, предательства и кровавые усобицы.

Достижения защитников Ричарда III известны в основном профессионалам и немногим любителям истории, для большинства он по-прежнему остается «шекспировским злодеем». Безусловно, сейчас мало кто допускает, что исторический Ричард III был в точности таким, каким его описал великий драматург, есть же, в конце концов, сценические условности, жанровое своеобразие литературного произведения. Но то, что настоящий Ричард III почти совершенно не походил на своего сценического двойника... для большинства людей эта мысль кажется кощунством и посягательством на высшие авторитеты.

В студенческие годы автору довелось столкнуться именно с таким восприятием проблемы. Через несколько дней после сдачи статьи о коронации Ричарда III в университетский сборник раздался звонок разгневанного научного редактора. Сотрудница издательства просто не могла поверить, что какая-то студентка всерьез утверждает, будто Ричард III имел вполне

приятную внешность. В это время останки Ричарда III еще не были найдены, а ссылки на хроники и свидетельства очевидцев показались редактору откровенно смехотворными. В финале нашей беседы сотрудница издательства с нескрываемым презрением осведомилась: «Вы что, даже Шекспира не читали?!» Именно после этих слов у автора впервые появилась самонадеянная мысль написать биографию Ричарда III. С тех пор прошло много лет, однако создание биографии последнего короля из династии Йорков по-прежнему представляется делом, требующим определенной смелости.

Главное затруднение состоит в том, что Ричард III отнюдь не обделен вниманием историков. В британской и американской историографии существует несколько фундаментальных, по-хорошему дотошных биографий этого монарха. Более того, царствование Ричарда III рассматривается почти в каждой работе, посвященной политической истории Англии второй половины XV в., а таких работ не одна сотня. О последнем короле из династии Йорков писали немцы, французы, поляки и даже японцы. Активно действует международное «Общество Ричарда III», проводятся регулярные конференции, выходит научный журнал «Ричардианец».

В России ситуация несколько хуже. Из произведений, более или менее близких к XV в., русскоязычному читателю доступны всего два – одноименная трагедия Шекспира и крайне тенденциозная «История Ричарда III» Томаса Мора. Научная историография также выглядит не слишком впечатляюще. Ричарду III посвящена шестая глава классической монографии М.А. Барга «Шекспир и история». Его правление освещается в нескольких книгах о Войнах Роз. Не так давно на русский язык была переведена книга Питера Хеммонда «Ричард III и битва при Босворте». Вскоре в серии ЖЗЛ должна появиться книга Вадима Устинова.

И все же еще одно исследование о жизни последнего монарха из династии Йорков имеет смысл. Как правило, историки пишут именно о короле. В среднестатистической биографии из 320 страниц Ричарду Глостеру посвящено страниц пятьдесят, все остальное – подробнейший рассказ о правлении Ричарда III. На деле соотношение было обратным – Ричард захватил трон в 30 лет и правил всего два года. Эта книга не о короле, а о человеке. Она представляет собой попытку воссоздать жизненный путь Ричарда III, проследить его необычную, в полном смысле слова трагическую судьбу и показать, как и почему король, пользовавшийся вполне рядовыми для XV столетия политическими методами, постепенно был превращен в монстра.

В образе Ричарда III история и драма, факты и мифы переплелись столь причудливо, что начинать лучше именно с мифа. Прежде чем обратиться к жизни настоящего Ричарда III, попытаемся взглянуть в черты той гротескной маски, которую мы привыкли принимать за его настоящее лицо. Может быть, мы рассмотрели ее недостаточно внимательно? Может быть, и шекспировский Ричард окажется не тем злым, но, в сущности, очень несчастным человеком, которого мы видим на современных театральных подмостках?

Глава 1. «Урод, горбатый телом и душой»¹. Ричард III в произведениях Шекспира

Сценический Ричард III – персонаж хорошо известный и, если можно так выразиться, вполне доступный. Для того чтобы познакомиться с ним, не нужно идти в библиотеку за специальной литературой или разбираться в документах XV в. – вполне достаточно взять с полки томик Шекспира или купить билет на одну из современных постановок одноименной трагедии. Однако именно эта простота и создает главное затруднение, ведь тот Ричард III, которого мы можем увидеть на театральной сцене, имеет не так уж много общего с персонажем классической шекспировской трагедии.

Театр – это живое и постоянно меняющееся искусство, он должен говорить со зрителем о том, что интересно и важно именно сейчас и, разумеется, на понятном ему языке. Со времен Шекспира изменились не только декорации, но и трактовка персонажей. Современные постановки Ричарда III показывают не преступления этого монарха (нынешнего зрителя «кровавыми деяниями» удивить очень непросто), а развитие его личности. Актеры пытаются выяснить, почему Ричард Глостер стал убийцей и тираном, ищут объяснения в его физических недостатках, тяжелом детстве и непонимании окружающих². В результате «современный» Ричард III вызывает не осуждение, а жалость; зритель понимает, что это был несчастный человек, с детства лишенный любви и потому сам не способный испытывать добрые чувства.

В «психологической» версии Ричарда III его действия – всего лишь отражение душевных порывов, поэтому в памяти остается лишь самая общая картина: Ричард Глостер был горбатым уродом, он совершил государственный переворот, убил своих малолетних племянников и совершил еще несколько более мелких преступлений, каких, не столь уж важно.

Для зрителей XVI в., и прежде всего для самого Шекспира, все выглядело совершенно иначе. Ричард III был не абстрактным злодеем, жившим в незапамятные времена; все отлично знали, что этого ужасного тирана сверг с престола дедушка ныне царствующей королевы Елизаветы. В конце XVI в. пьеса о Ричарде III была, наверное, так же актуальна, как для современного российского зрителя постановки о Сталине или Хрущеве. Единственная и очень существенная разница заключалась в том, что никакой разногласицы в оценке правления Ричарда III во времена Шекспира не было и быть не могло – власти следили за этим очень жестко.

К тому моменту, когда Шекспир начал создавать свои пьесы, миф о Ричарде III был уже полностью сформирован. Придворным историкам Тюдоров понадобилось меньше пятидесяти лет, чтобы превратить обычного, в сущности, короля в некий отрицательный эталон. Эта интереснейшая трансформация человека в монстра будет подробно проанализирована в заключительных главах, а пока имеет смысл просто принять тюдоровский миф как данность. На некоторое время выведем «пропагандистский» образ Ричарда III из зоны критики и не будем обращать внимания на многочисленные исторические несоответствия.

Итак, историки первой половины XVI в. «установили», что последний король из династии Йорков был тираном, совершил множество преступлений и, наконец, отличался удивительным уродством. Фактически это был готовый материал для драматургов – тот самый идеальный злодей, наличие которого так украшает любое литературное произведение.

Известно, что Шекспир не был профессиональным историком, его знаменитые «Исторические хроники» – это пьесы, в которых воспроизводились всем известные исторические факты во всей известной последовательности. Произведения Шекспира пользовались бешеной популярностью не потому, что он по-своему интерпретировал историю Англии, совсем

¹ Так Ричарда III называет один из героев драмы «Генрих VI» – лорд Клиффорд.

² Именно такого, по-своему несчастного и страдающего, Ричарда III играет Константин Райкин на сцене «Сатирикона».

наоборот. Огромное большинство шекспироведов полагают, что у драматурга не было собственных, оригинальных исторических воззрений. И тем не менее многих английских королей мы представляем именно такими, какими их описал Шекспир. Гениальному драматургу удалось нечто гораздо более важное, чем открытие нескольких новых фактов – он вдохнул жизнь в сухие строки хроник и исторических трудов. Созданные им образы Генриха V, Генриха VI, Ричарда III внутренне логичны и доведены до драматического совершенства, это почти живые люди.

В случае Ричарда III имеет смысл сделать еще одно уточнение – шекспировский Ричард Глостер действительно почти как живой и... почти как человек. Дело в том, что описанный Шекспиром злодей человеком не был, а был ни больше ни меньше как квинтэссенцией все-ленского зла, потусторонним созданием, посланным в мир для того, чтобы Англия познала все ужасы тирании и гражданской войны.

Такое утверждение вызывает законное недоверие. Одно дело – злодей и тиран, враг царствующей династии, и совсем другое – исчадие Ада. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, попробуем, опираясь на материалы трагедий «Генрих VI» и «Ричард III», восстановить жизненный путь шекспировского Ричарда Глостера.

Итак, все началось с того, что в 1452 г. у благородных и достойных родителей – герцога Ричарда Йорка и его супруги – родился третий ребенок. Шекспир описал рождение Ричарда Глостера так, чтобы у зрителей не осталось ни малейших сомнений – этому созданию уготована самая ужасная судьба. Появление Ричарда на свет сопровождалось множеством зловещих предзнаменований:

Когда рождался ты, сова кричала,
Безвременье вещая, плакал филин,
Псы выли, ураган крушил деревья,
Спустился на трубу зловещий ворон,
И хор сорок нестройно стрекотал.

Однако знамениями дело не ограничилось – шекспировский Ричард Глостер появился на свет недоношенным и к тому же «вперед ногами». На взгляд современного человека, эти обстоятельства настолько банальны, что попросту не заслуживают отдельного упоминания. Во времена Шекспира все обстояло иначе. Преждевременные роды и неправильное положение плода рассматривались как нарушение сложившегося, Богом данного порядка вещей. В Средние века и в раннее Новое время все, что выходило за привычные рамки, объясняли вмешательством сверхъестественных сил. Если речь шла о чем-то благом, то говорили о Божьей воле или об ангелах. Все злое, включая болезни, неурожаи, и в том числе появление недоношенных, т. е. нежизнеспособных, детей, объясняли происками Сатаны.

Рождение ногами вперед – также весьма зловещий знак, предвещающий ребенку трудную, несчастливую жизнь. В XVI в. в истинность этой «приметы» верили даже образованные люди. Сами роды Шекспир описывает как очень тяжелые: «Мать твоя... страдала больше, чем матери другие...» По-видимому, эта деталь была призвана подчеркнуть общую неестественность, неправильность появления на свет будущего великого злодея.

Но и это еще далеко не все. Родившийся «до срока» младенец был таков, что возникали серьезные сомнения в его принадлежности к человеческому роду. Вместо обычного ребенка на свет появился «бесформенный, уродливый комок... с зубами». При этом Шекспир сразу же уточняет, что зубы – это не просто зловещая деталь, это знак: «С зубами ты родился в знак того, что в мир пришел, чтобы терзать людей».

В совокупности картина создается жуткая, до боли напоминающая завязку фильма ужасов: мрачный средневековый замок, стены которого содрогаются под порывами бури, тяжелые роды, и вот, под завывание собак и крики воронья, на свет появляется уродливое существо, которое и младенцем-то не назовешь.

К тому же это существо ведет себя так, как нормальному ребенку не положено – оно сразу же начинает есть твердую пищу: «Через два часа после рождения мог корку грызть...» Логично было бы предположить, что такой зубастый и прожорливый младенец должен быстро расти, но получается как раз наоборот. Устами матери Ричарда III Шекспир утверждает, что «в младенчестве он был такой заморыш, так плохо рос...».

Еще одной несообразностью Ричарда-младенца являлось его поведение. Шекспир не вдаётся в детали, он отмечает, что ребенком тот был «злым и своенравным». В данном случае речь явно идет о чем-то большем, чем детские шалости или сложный характер. В беседе с сыном мать Ричарда горестно восклицает: «Ты вышел в мир и, как Бог свят, мир для меня преобразился в Ад...» Затем она просит сына: «Припомни-ка хотя единый час, когда бы от тебя я знала радость». На это Ричард честно отвечает: «Не помню».

Пытаясь представить себе Ричарда III в раннем детстве таким, как его описал Шекспир, мы видим необычайно уродливое, злобное, прожорливое и в то же время хилое существо, которое самим фактом своего существования отравляет жизнь матери. Любопытно, что редкий по силе эмоциональный эффект достигается без всякого привлечения новых фактов. Просто то, что историки XVI в. осторожно называли слухами и домыслами (рождение Ричарда с волосами и зубами, зловещие знамения и прочее)³, Шекспир передает как непреложную истину и, как правило, гиперболизирует. Созданный такими средствами облик Ричарда-младенца кажется настолько гротескным, что невольно заставляет искать какие-то сказочные, фольклорные параллели.

На первый взгляд, мысль об использовании элементов народной демонологии в образе Ричарда III может показаться излишне смелой, однако не стоит забывать о том, что именно в XVI столетии антиведовская истерия в Европе достигла своего пика. В Англии, Франции и других станах люди верили, что духи зла и их слуги ежеминутно вмешиваются в жизнь истинных христиан; сотни женщин и мужчин сжигали на кострах по самым абсурдным обвинениям. Происками ведьм объясняли эпидемии, гибель посевов и даже войны. Для того чтобы понять, каких масштабов во времена Шекспира достигал страх перед ведьмами, достаточно привести несколько строк из демонологического трактата Тиффорда, вышедшего в свет в 1593 г., т. е. фактически одновременно с «Ричардом III». Один из героев этого построенного в форме диалогов сочинения говорит: «Когда я выхожу в сад, я пугаюсь, поскольку все время вижу зайца, который, как подсказывает мне мое сознание, является ведьмой или каким-то ведьминым духом – так пристально он смотрит на меня. Иногда я вижу мерзкую ласку, пробегающую через мой двор, а иногда в амбаре мне попадается большой облезлый кот, который мне также подозрителен».

Нелишним будет подчеркнуть, что массовые преследования ведьм в Англии начались как раз во времена Шекспира. В 1563 г. был принят закон против колдовства, за которым последовало множество судебных процессов. В то самое время, когда Шекспир писал свои «Исторические хроники», людей сжигали на кострах за то, что они якобы кормили демонов собственной кровью, колдовством уничтожали посевы, собирались на шабаш, наводили порчу и вступали в сексуальные отношения с Дьяволом. Англичане были уверены, что все эти преступления совершаются на самом деле, такой же неопровержимой реальностью для них было и существование персонажей народной и ученой демонологии.

³ Например, Томас Мор отмечает: «люди говорят», будто Ричард III родился с зубами во рту, и, возможно, эти люди «по злобе болтают лишнего».

Шекспир, разумеется, не мог остаться вне представлений эпохи, напротив, он достаточно широко использовал фольклорные демонические образы. В качестве примера можно привести хоты бы хрестоматийных ведьм из «Макбета». Любопытно, что макбетовские ведьмы обладают полным набором фольклорных черт – они летают по воздуху, наводят порчу на людей и животных, варят зелья и предсказывают будущее. Знаменитая «тень отца Гамлета» также отсылает нас к миру грез. Изрядная доза мистики присутствует и в драмах, посвященных Войнам Роз – герцогиня Глостер занимается вызыванием духов; несчастья героев, как правило, объясняются тем, что кто-то наслал на них проклятие, персонажи пророчествуют, видят вещие сны и т. п.

Череду примеров можно было бы продолжать довольно долго, главное, что наличие фольклорных мотивов в произведениях Шекспира позволяет предположить – драматург вполне мог придать Ричарду-младенцу сходство с неким сказочным демоническим персонажем. И такой персонаж действительно есть – это так называемый ребенок-подменьш, т. е. существо, которым черти или феи заменили настоящего человеческого младенца. Подменьш из британских легенд обычно отличается каким-то уродством, очень часто это горб на спине или сухая рука (оба эти элемента присутствуют в облике Ричарда III). Подменьш ведет себя агрессивно, он постоянно кричит, не дает родителям ни минуты покоя и непрерывно требует пищи. Однако человеческая еда не идет впрок дьявольскому созданию, он постоянно болеет и почти не растет. Наконец, в первые же дни после рождения у подменьша вырастают все зубы (Ричард уже родился с зубами).

Разумеется, в данном случае речь идет именно о сходстве, а не о тождестве. Шекспировский Ричард III всего лишь похож на подменьша, но в XVI в. такие намеки вещь вовсе не безобидная и, тем более, не случайная. Шекспир ясно говорит своим зрителям – в Ричарде-ребенке было что-то дьявольское, это не нормальный младенец, а выходец из потустороннего мира.

Детство и юность Ричарда III в «Исторических хрониках» попросту отсутствуют, если не считать короткой фразы матери будущего короля: «Ребенком ты был злым и своенравным, а в юности – бесстрашным, дерзким, наглым». Впервые Ричард III появляется на сцене в конце второй части «Генриха VI». Описанные в ней события относятся к 1455 г. Несмотря на то что историческому Ричарду III в то время было всего 3 года, шекспировский персонаж выглядит вполне взрослым – он на равных участвует и в битве на мечях, и в словесных перепалках.

При чтении «Генриха VI» сразу же обращает на себя внимание то, что Ричард показан в драме очень статично. Исходный текст Шекспира мало способствует современным психологическим трактовкам – герой не развивается, зрители с самого начала знают, что перед ними злодей, убийца и властолюбец. Ричард едва успевает произнести первые две реплики, как его обзывают «кучей злобы», «гнусным недоноском», «уродом, горбатым телом и душой». В дальнейшем ситуация остается стабильной – Ричарда ругают гораздо чаще и жестче, чем других персонажей. Тематика оскорблений довольно однообразна – в огромном большинстве случаев они касаются внешности Ричарда III.

Шекспировский Ричард Глостер действительно дает повод для таких насмешек – в его облике нет ни одной привлекательной или хотя бы обычной черты – все искажено и изломано. Даже простое перечисление физических недостатков Ричарда впечатляет – это огромный горб, кривые плечи, высохшая левая рука, необычайно малый рост, хромота и, наконец, злое, уродливое лицо. В первой же сцене трагедии «Ричард III» ее главный герой дает себе поистине убийственную характеристику:

Я, слепленный так грубо, что уж где мне
Пленить распутных и жеманных нимф;
Я – у кого ни роста, ни осанки,
Кому взамен мошенница природа

Всучила хромоту и кривобокость;
Я, сделанный небрежно, кое-как
И в мир живых отправленный до срока
Таким уродливым, таким увечным,
Что лают псы, когда я прохожу.

В современном человеке такая картина вызывает сочувствие, мы предполагаем, что перед нами несчастный беспомощный инвалид, жалующийся на свою судьбу. Однако весь сюжет «Генриха VI» и «Ричарда III» показывает, что Ричард вовсе не беспомощен, наоборот, перед нами на редкость активный, испорченный, беспринципный и опасный человек. Очевидно, что, описывая внешность Ричарда III, Шекспир рассчитывал на принципиально иной художественный эффект.

Для зрителя XVI столетия увечья Ричарда – вовсе не повод для сострадания, это некое порочное клеймо. В те времена тело воспринималось как зеркало души. Телесная красота считалась символом душевного благородства, а любой недостаток обозначал испорченный характер. В русском языке до сих пор сохранилось расхожее выражение: «Бог знает, кого метит», – эта фраза как нельзя лучше выражает отношение к людям с нестандартной внешностью в Средневековье и раннее Новое время.

Миф о том, что Ричард III якобы был уродом, придумали именно для того, чтобы сделать вымышленные преступления этого монарха более достоверными. У Шекспира уродство Ричарда доведено до невыносимых, нечеловеческих пределов и выступает как зримый признак злобной, искалеченной души:

А ты не вышел ни в отца, ни в мать,
Но безобразный, мерзостный урод
Судьбой отмечен, чтоб тебя бежали,
Как ядовитых ящериц иль жаб...

Стоит подчеркнуть, что перед нами не просто описание отталкивающей внешности. В XVI в. жабы и ящерицы считались нечистыми существами. Жаба – классическая фигура возрожденческой демонологии, с этими животными связан целый пласт верований. Считалось, что ведьмы держат ручных жаб и кормят их собственной кровью, что жабы помогают ведьмам в колдовстве, что части тела жаб имеют сильные магические свойства. Для нас наиболее интересно то, что способность превращаться в жаб приписывалась ведьмам и колдунам, черти также очень охотно принимали этот облик. Иными словами, во времена Шекспира сравнение с жабой было фактически равнозначно обвинению в связи с нечистой силой.

Внешность шекспировского Ричарда III наводит на мысль о чем-то нечеловеческом по еще одной причине. Банальная логика подсказывает, что горбатый, кривобокий, хромой мужчина с высохшей левой рукой должен иметь весьма ограниченные физические возможности. Выражаясь медицинским языком, это инвалид как минимум второй группы. Он конечно же может участвовать в политической жизни, плести интриги, отдавать приказы об убийствах, но сражаться и убивать он, скорее всего, не способен. Однако и в «Генрихе VI» и в «Ричарде III», Ричард Глостер расправляется со своими жертвами собственноручно. Да что там убийства, шекспировский Ричард участвовал во всех сражениях Войн Роз и, что самое интересное, показал себя отменным воином. Например, о битве при Босворте Шекспир пишет:

Нечеловеческие чудеса

Творит король, опасность презирая.
Он потерял коня, он бьется пешим,
В пасть к смерти рвется...

Еще раз подчеркнем: «чудеса» с мечом в руках творит тот, кто по всем законам физики и передвигаться-то должен был с трудом. Для человека это совершенно невозможно, но если допустить, что шекспировский Ричард – существо сверхъестественное, все становится на свои места. В XVI столетии даже дети знали, что «вся земля преисполнена демонами, и что демоны эти принимают необычайно уродливый, гротескный, иногда даже абсурдный, но, как правило, человекообразный облик»⁴. Ученые демонологии трактовали уродство демонов как символ их злобы и неупорядоченности, нестабильности самой демонической природы. Народная традиция просто констатировала факт – если черти прикидываются людьми, их можно узнать по уродству (или в чрезвычайно редких случаях по неземной красоте). При этом сила демонического существа совершенно не зависит от формы его тела. Вполне вероятно, что, подчеркивая увечность Ричарда III, так очевидно не сочетающуюся с его воинскими подвигами, Шекспир намекал, что Ричард – это не просто тиран и убийца, это почти что демон, посланный на землю.

Собственно, в третьей части «Генриха VI» Ричард прямо заявляет о том, что не считает себя обычным человеком:

...Я не знаю
Ни жалости, ни страха, ни любви...
Раз небо мне дало такое тело,
Пусть Ад и дух мой также искривит...
Нет братьев у меня – не схож я с ними.
И пусть любовь... живет в сердцах людей
Похожих друг на друга, – не во мне.
Один я.

Бесспорно, в этих словах звучит отчаяние юноши, чья внешность настолько ужасна, что он чувствует себя изгоем. Однако в них есть и прямое обращение к силам зла, и добровольное, сознательное отречение от семьи и всего рода людского. В нынешнем толерантном обществе такими заявлениями никого не удивишь. Во времена Шекспира всем было ясно, что, обращаясь к Аду и отрекаясь от всего человеческого, Ричард попросту повторяется – нормальная жизнь в Европе была возможна только внутри христианского сообщества. Вне семьи верующих находились только слуги Дьявола, уничтожение которых являлось святой обязанностью каждого христианина.

Представим, что в конце XVI в. в Лондоне, поблизости от театра «Глобус», в котором Шекспир ставил свои пьесы, жил некий мистер Смит с внешностью Ричарда III и необычайно скверным характером. И вот однажды соседи случайно услышали, как он произносит нечто подобное. Дальнейшая судьба мистера Смита была бы трагической. На него донесли бы немедленно, приписав его колдовству все несчастья последних лет (сосед мистера Смита сломал ногу, у соседки мистера Смита случился выкидыш, а у других соседей все время болеют дети, урожай в этом году плохой и т. д.). Мистера Смита ждали бы тюрьма, пытки и, вполне веро-

⁴ Изображения демонов, выполненные в позднее Средневековье и раннее Новое время, зачастую показывают совершенно фантастических существ, например, с глазами и ртами на коленях и локтях.

ятно, мучительная казнь (в последние годы правления Елизаветы на костер отправляли более 40 % арестованных по обвинению в колдовстве).

Стоит отметить, что не только сам Ричард III, но и другие персонажи «Исторических хроник» противопоставляют его человеческому роду. Например, будущая супруга Ричарда – Анна Невиль – прямо называет его Сатаной. Когда Ричард запугивает слуг, она восклицает:

Как! Вы дрожите? Страх вас обуял?
Увы! Не порицаю вас: вы – люди,
Слепит глаза людей вид Сатаны.

Такие высказывания повторяются постоянно на протяжении всего действия. Ричарда едва ли не в каждой сцене называют «Дьяволом», «Сатаной», «гнусным исчадьем Ада», «демоном», «нечистым духом», «василиском», «адским псом» и т. д. Шекспир буквально вдалбливает в голову зрителей устойчивую смысловую связку «Ричард Глостер = Дьявол». Думается, современники Шекспира выходили из театра вполне убежденными. Тем более что за несчастьями, которые обычно происходят вокруг тех, кто связан с нечистой силой, дело не стало. Шекспир блестяще показывает, что все кровавые драмы эпохи Войн Роз происходили при самом непосредственном участии Ричарда III.

Шекспировский Ричард Глостер начал свою «противоправную деятельность» с того, что подстегивал честолюбивые устремления отца и брата, толкал их к продолжению гражданской войны. По мнению Шекспира, именно Ричард убедил своего отца Ричарда Йорка свергнуть с престола «святого» короля Генриха VI Ланкастера.

Шекспир сообщает, что Ричард Йорк, который действительно имел больше прав на корону, чем царствовавший Генрих VI, предъявил права на престол и выступил против короля с оружием в руках. Но после того как Парламент признал Йорка наследником короны, его честолюбие было удовлетворено, и он поклялся верно служить Генриху VI. Гражданская война, казалось, прекратилась, и вот в этот-то момент сыновья и сторонники начали активно убеждать герцога Йорка добиться не призрачного права на наследование, а самой короны. Шекспир вкладывает решающие аргументы именно в уста Ричарда Глостера:

Ведь... Генрих незаконно трон присвоил...
Итак, к оружию! Отец, подумай,
Как сладко на челе носить корону...
...Не успокоюсь
Пока цветок свой белый⁵ не окрасу
Холодной кровью Генрихова сердца.

Эти слова могли бы стать девизом шекспировского Ричарда III – единственными чувствами, которые он способен испытывать, стали чудовищное властолюбие и жажда отомстить тем, кто стоит между ним и троном.

Итак, если верить Шекспиру, новый виток кровопролитной гражданской войны был начат во многом из-за подстрекательства Ричарда. Результаты его вмешательства не заставили себя долго ждать – в первой же битве погибает младший брат Ричарда – Рэтленд, которого Шекспир представляет еще ребенком, затем победившие сторонники Генриха VI казнят Ричарда Йорка.

⁵ Имеется в виду белая роза, считавшаяся геральдической эмблемой дома Йорков.

Теперь сыновья Йорка начинают мстить за отца, причем первым о мести заговаривает именно Ричард: «Отмщу за смерть твою или умру... Должны мы... мстительной рукою начертать на шлемах вражеских молитвы наши». Мстительность Ричарда буквально не знает границ, уже над трупом человека, убившего его отца и брата, он восклицает:

Он, значит, мертв. Клянусь я, будь возможно
Ценой руки вернуть его мне к жизни
На два часа, чтоб насмеяться вволю,
Одной рукой отсек бы я другую...

Битвы следуют за битвами; чтобы подчеркнуть жуткий, братоубийственный характер Войн Роз, Шекспир вводит двух эпизодических персонажей – сына, убившего отца, и отца, убившего своего сына.

Любопытно, что в разгаре гражданской войны, когда его старший брат Эдуард IV только утверждается на престоле, отвоеванном у Генриха VI, Ричард уже планирует захват власти. Фактически его план состоит в том, чтобы погубить всех, кто мешает ему стать королем. Готовящемуся вступить в брак Эдуарду IV Ричард желает, чтобы «не произошло от чресл его надежной ветви», и тут же сетует:

Все ж между мною и желаньем сердца, —
Коль даже сгинет линия прямая
Распутного Эдварда, – встанет Кларенс⁶,
Иль Генрих⁷ с сыном юным Эдуардом...
Стоят меж мной и троном много жизней...
Что ж, я могу с улыбкой убивать...
Ужели так венца не получу?
Будь вдвое дальше он, его схвачу!

Сам Ричард объясняет желание властвовать тем, что других радостей в жизни у такого, как он, попросту нет:

Таков ли я, чтобы меня любили?
О, дикий бред – питать такую мысль!
Но раз иной нет радости мне в мире,
Как притеснять, повелевать, царить
Над теми, кто красивее меня, —
Пусть о венце мечта мне будет небом.
Всю жизнь мне будет мир казаться Адом,
Пока над этим туловищем гадким
Не увенчает голову корона.

Вроде бы в этом монологе Ричард показывает себя не монстром, а именно тем несчастным человеком с изломанной психикой, которого можно увидеть в современных постановках

⁶ Речь идет о втором по старшинству сыне Ричарда Йорка – Джордже, герцоге Кларенсе.

⁷ Король Генрих VI Ланкастер.

трагедии. Запомним эту реплику Ричарда и вернемся к ней чуть позже, когда в него неожиданно влюбится красавица Анна Невиль.

Итак, Ричард решает пробиваться к трону. Очень скоро судьба предоставляет ему такую возможность. Гражданская война возобновляется, и Ричард начинает устранять одного соперника за другим. Первой жертвой его мстительности оказывается юный принц Эдуард Ланкастер, которого Ричард убивает после победы Йорков при Тьюксберри. Правда, в этом убийстве у Ричарда есть соучастники – несчастного принца закалывают все три сына Ричарда Йорка. Впрочем, Глостер все равно идет дальше своих братьев. Когда убитая горем мать принца Эдуарда – королева Маргарита – просит убить и ее, Ричард пытается оказать ей эту сомнительную «услугу». Его руку буквально в последний момент перехватывает старший брат. Слова, которыми королева Маргарита просит о смерти, весьма показательны:

Где ж дьявольский мясник?
Где богомерзкий Ричард? Ричард, где ты?
Как милостыню ты творишь убийство,
Не прогоняешь ты просящих крови.

Нельзя не отметить, что к этому моменту Ричард, во всяком случае на сцене, еще не сделал ничего, чтобы заслужить такую характеристику. Он всего лишь сражался в битвах, как и многие другие аристократы. Да, он убил сына Маргариты, но удары наносили и герцог Кларенс, и Эдуард IV. Между тем, когда королева обращается к Эдуарду и Кларенсу с просьбой прекратить ее страдания, она вообще не употребляет бранных выражений. Королева просит Эдуарда: «Сюда ударь, убийце я прощу», тот отказывается, и королева умоляет: «Исполни, добрый Кларенс, милый Кларенс!» Ненависть Маргариты Анжуйской именно к Ричарду кажется абсолютно немотивированной и нелогичной. Возможно, Шекспир хотел подчеркнуть – Ричард Глостер – злодей настолько высокой пробы, что вызывает инстинктивное отвращение; может быть, драматург намекал на некие неизвестные зрителям прошлые преступления Ричарда; а может быть, отношение окружающих к Ричарду Глостеру – это своего рода «аванс» за будущие злодеяния.

Первое, выражаясь современным юридическим языком, умышленное убийство шекспировский Ричард III совершает сразу же после расправы с принцем Эдуардом Ланкастером. Он по собственной инициативе отправляется в Тауэр, чтобы покончить с низложенным королем Генрихом VI – последним, кто мешает безбедному существованию новой династии Йорков.

Сцена убийства Генриха VI – безусловно, одна из лучших в одноименной трагедии. В ней использована целая «обойма» не новых, но безотказно работающих ролевых клише:

Злодей, на чьих руках еще не высохла кровь сына, убивает безутешного отца.

Молодой преступник расправляется с человеком старым и немощным.

Великий грешник является в темницу святого, и тот пророчествует перед мученической кончиной.

На человека XVI в., да и на современного читателя, именно последняя, мистическая линия производит самое глубокое впечатление. Вместо того чтобы стать пассивной жертвой, Генрих VI окончательно расставляет смысловые акценты. В первой же реплике низложенного короля Ричард Глостер прямо уподобляется черту:

Да, добрый лорд... «Милорд» сказать бы надо.
Льстить грех, а словом «добрый» я польстил.
Ведь «Добрый Глостер» или «Добрый Дьявол» —
Одно и то же и равно нелепо.

Дальше – больше. Обменявшись с Ричардом несколькими фразами, Генрих VI впадает в пророческий экстаз, и зрителям становятся известны поистине ужасные вещи – низложенный король говорит о зловещих предзнаменованиях, сопровождавших рождение Ричарда, о сверхъестественных подробностях его появления на свет и предрекает чудовищные беды, которые этот человек принесет Англии:

И я пророчу: много тысяч тех,
Кто и крупницы страха моего
Теперь не знают, – много скорбных старцев,
И вдов, и горько плачущих сирот,
Отцов, лишенных сыновей любимых,
Жен, о мужьях рыдающих, детей,
Скорбящих о родителей кончине, —
Час твоего рожденья проклянут...

Предсказание пугает даже самого Ричарда, и тот спешит убить старика:

Умри, пророк, своей не кончив речи!
Мне суждено и это было также...
В Ад, в Ад ступай и расскажи, что я
Тебя послал туда...

Стоит отметить, что именно над телом Генриха VI Ричард отрекается от всего человеческого и заявляет о намерении уничтожить своих братьев, чтобы добиться трона.

Следующим звеном в цепи беззаконий, совершенных сценическим Ричардом III, становится его женитьба на дочери покойного Создателя Королей Уорвика⁸ – Анне Невиль. Шекспир практически не дает зрителям пояснений, отмечая, что этот брак был нужен Ричарду для захвата власти. В XVI в. такие пояснения и не требовались – все знали, что знаменитый Создатель Королей оставил своим дочерям огромное наследство. Немаловажное политическое значение имело и то обстоятельство, что Анна Невиль была вдовой принца Эдуарда Ланкастера. Добиваясь этого брака, Ричард показывает себя законченным циником, ведь он совсем недавно убил мужа и свекра своей невесты. Однако, с его точки зрения, это только делало ситуацию пикантнее:

Придется в жены взять
Мне младшую дочь Уорвика. Я, правда,
Убил ее супруга и отца...
Ха! Тем полней ей возмещу потерю,
Став для нее супругом и отцом.

⁸ Граф Уорвик был прозван Создателем Королей за то, что фактически посадил на трон нескольких английских королей – в конце 50-х гг. XV в. при поддержке Уорвика право на корону получил Ричард Йорк. Сын Ричарда Йорка – Эдуард IV – стал королем Англии при самом деятельном участии Уорвика. Наконец, в 1470 г. всемогущий граф поссорился с Эдуардом IV, бежал во Францию, вернулся оттуда с армией и восстановил на престоле Генриха VI Ланкастера.

Современный зритель, узнав о намерении Ричарда жениться на Анне Невиль, скорее всего, предположит, что герцог Глостер попросту принудит женщину к браку. В самом деле, разве урод и злодей может по-хорошему уговорить выйти за него красавицу, мужа которой он буквально пару дней назад отправил на небеса? Чтобы еще больше затруднить его задачу, Шекспир заставляет Ричарда объясняться с предполагаемой невестой над гробом Генриха VI. Естественно, та начинает с проклятия убийце, плюет ему в лицо, но потом происходит нечто совершенно невероятное – уже к концу сцены Анна влюбляется в Ричарда III и принимает его кольцо в знак помолвки.

Такой поворот событий кажется абсолютно невыносимым, но Ричард с редким, поистине дьявольским красноречием уверяет Анну, что все убийства совершил только из безумной любви к ней:

...Возьми вот этот острый меч,
Пронзи им эту преданную грудь,
Исторгни душу, полную тобой,
Смотри, я жду смертельного удара,
О Смерти на коленях я молю.
Чего ты ждешь? Я Генриха убил,
Но виновата в том твоя краса.
Не медли же! Я заколол Эдуарда,
Но твой небесный лик тому виной.
Меч подними иль подними меня!

Покоренная столь страстными признаниями, Анна уступает.

А теперь вернемся к современной «психологической» трактовке образа Ричарда III. Если Ричард действительно глубоко страдал от недостатка любви, от того, что его уродство не дает ему жить нормальной человеческой жизнью, то после объяснения с Анной Невиль должен был наступить благотворный перелом. Действительно, свершилось чудо – Ричард любим, несмотря на все физические и душевные недостатки, несмотря на все преступления. Причем влюбляется в него не дурнушка или простолюдинка, а самая завидная невеста Англии – женщина молодая, красивая, знатная и богатая. Впереди счастливый брак, который должен хотя бы немного смягчить характер злодея. У Ричарда есть все основания для радости и гордости. И он действительно радуется... собственной изворотливости и гордится... самим собой:

Кто женщину вот этак обольщал?
Кто женщиной овладевал вот этак?..
Против меня – Бог, совесть, этот труп,
Со мною – ни ходатая, ни друга,
Один лишь Дьявол разве да притворство;
И вопреки всему – она моя!..
Нет, герцогство поставлю против пенса,
Что я досель не знал себе цены!

Ричард ни на секунду не теряет самоиронии. Он, конечно, обрадован и даже слегка увлечен, но не более того: «Она – моя, хоть скоро мне наскучит». Герцог почти презирает свою невесту за столь быструю перемену чувств. И очень быстро брак превращается в ад. Анна горько жалеет, что поддалась искушению, но уже ничего нельзя изменить.

Безусловно, поведение Ричарда говорит о черствости, о неспособности любить. Однако во времена Шекспира столь неправдоподобно быстрое обольщение Анны Невиль вполне могло восприниматься как лишнее доказательство дьявольской природы ее жениха. Ричард действует как классический демон-искуситель. И то, что он не выполняет ни одного из своих обещаний, только усиливает сходство. Лживость Дьявола была, можно сказать, азбучной истиной демонологии; все знали, что Сатана никогда не помогает своим сторонникам, а если и помогает, его участие всегда оборачивается катастрофой.

Именно таков шекспировский Ричард – все, к чему он прикасается, превращается в прах. Едва добившись благосклонности Анны Невиль, Ричард с удвоенной энергией готовит гибель своего родного брата – герцога Кларенса. Глостер действует с редким лицемерием – он уверяет Кларенса в своей любви, громко возмущается его арестом, грозит отомстить за страдания брата и выжидает. В конце концов, удобный момент наступает – король Эдуард отдает приказ о казни Кларенса, но сразу же отменяет свое жестокое распоряжение. Готовый к такому развитию событий Ричард Глостер задерживает приказ о помиловании, а чтобы казнь состоялась немедленно, он подсылает к брату наемных убийц. Интрига разыгрывается с таким удивительным искусством, что Кларенс до последнего мгновения не верит, что убийцы действуют по приказанию его младшего брата. Даже поставленный перед фактом, он восклицает:

Неправда! Нет! Он так меня жалел,
Сжимал в объятьях и, рыдая, клялся
Любой ценой вызволить меня.

Заблуждается не только Кларенс – все верят в то, что Глостер непричастен к этому преступлению, тем более что он громче всех сокрушается о гибели брата и требует отмщения.

Ричард Глостер успевает как раз вовремя – почти сразу же после убийства Кларенса умирает и «добрый король Эдуард IV». Ричард становится лордом-протектором, теперь между ним и троном стоят только два сына короля Эдуарда – мальчики 11 и 13 лет.

Государственный переворот Ричард III совершает не менее искусно, чем устранение Кларенса. Он виртуозно ведет двойную игру. Для начала он арестовывает и казнит родственников королевы, но заявляет, что это делается для блага принцев, на которых осужденные дурно влияли. Затем Ричард собирает Королевский Совет, якобы чтобы назначить день коронации Эдуарда V, и именно на этом совете велит арестовать всех придворных, которые сохранили верность молодому королю. Шекспир доводит ситуацию почти до абсурда – участники злополучного Совета будто бы не подозревают о двуличии герцога Глостера. Например, лорд Гастингс, которого Ричард велит казнить в тот же день, уверен не только в дружбе герцога, но и в его безупречной честности:

Как нынче весел герцог, как приветлив!
Он меньше всех людей в крещеном мире
Любовь и ненависть таить способен.
Что в сердце у него – то на лице.

Для того чтобы оправдать аресты и казнь лорда Гастингса, Ричард III буквально ставит ситуацию с ног на голову. Он призывает мэра Лондона и объявляет, что был составлен заговор против жизни протектора и ему едва удалось спастись. Шекспировский Ричард III доходит до такого лицемерия, что напоказ «скорбит» о вынужденном решении казнить лорда Гастингса:

Как я его любил! Слез не унять!
Я мнил, что в целом христианском мире
Нет существа безлобнее, чем он...
Под маской добродетели искусно
Скрывал свою порочность он...
Его казнить мы вынуждены были,
Дабы спасти страну, спасти себя.

Только устранив всех возможных противников, Ричард наконец заявляет о своих претензиях на корону, но даже это заявление превращается в целую интригу. Сначала соратник Ричарда герцог Бэкингем появляется в ратуше и объявляет брак покойного Эдуарда IV недействительным, а его детей незаконнорожденными. Затем следует еще более шокирующее обвинение, затрагивающее честь матери Ричарда – сам Эдуард IV якобы также был бастардом. Шекспир блестяще описывает потрясенное молчание жителей Лондона и то, как подручные Бэкингема нарушают эту немую сцену криками: «Да здравствует король английский Ричард!»

Следующий акт политического фарса разыгрывается, когда мэр и олдермены Лондона в сопровождении ближайших соратников Ричарда приходят к нему, чтобы просить принять корону. Ричард Глостер выказывает подлинный актерский талант – он появляется на галерее своего дворца с молитвенником в руке, в сопровождении епископов, и, разумеется, придает лицу самое благочестивое выражение. Он делает вид, что не знает ни о «незаконности» детей Эдуарда IV, ни о своих «неопровержимых» правах на престол. Внешне ситуация выглядит почти безупречно – не Ричард захватывает власть; мэр Лондона и представители дворянства долго, почти униженно умоляют его взойти на трон.

Итак, мечты сбылись – Ричард III теперь законный король Англии. Казалось бы, он может перевести дух и насладиться властью, за которую пришлось так долго бороться. Все вновь оказывается совсем иначе. От супруги нового короля – Анны Невиль – зрители узнают, что его душа неспокойна, закоренелого злодея беспрестанно мучают ночные кошмары. Однако он не останавливается и непосредственно в день коронации планирует свои самые жестокие и безнравственные преступления – приказывает отравить жену и планирует вступить в новый брак с родной племянницей – дочерью Эдуарда IV принцессой Елизаветой.

Свадьба Ричарда и Елизаветы казалась невозможной прежде всего потому, что «жених» совсем недавно отправил на плаху родственников «невесты», буквально несколько дней назад объявил саму Елизавету, ее братьев и сестер незаконнорожденными, а потом отнял трон у младшего брата своей «нареченной». Однако главным препятствием должен был стать кровосмесительный характер союза. Конечно, в королевских семьях «родственные» свадьбы не были редкостью. Католическая церковь их запрещала, но получить разрешение на брак с двоюродной сестрой или двоюродной племянницей было вполне реально. Но женитьба на родной племяннице вряд ли могла получить одобрение церкви.

Второе преступление, задуманное Ричардом III в день коронации, было еще хуже. Едва сев на трон, Ричард начинает планировать убийство сыновей Эдуарда IV. Стоит подчеркнуть, что средневековое сознание не знало греха более тяжкого, чем детоубийство. Хуже этого могло быть только отречение от Бога. Но шекспировский Ричард III уже давно обращается не к Богу, а к Сатане, поэтому и смерть племянников рассматривает «функционально» – как эффективное средство укрепления собственной власти. Его шкала ценностей настолько перевернута, что Ричард приказывает «устранить» принцев своему верному соратнику – герцогу Бэкингему. Ричард III как бы забывает, что отдает приказ об убийстве человеку, в жилах которого течет

королевская кровь⁹, одному из богатейших магнатов Англии. Задание не просто чудовишно, оно явно не по чину. Бэкингом приходит в ужас и просит время на размышление, но при дворе Ричарда для него уже все кончено, герцогу приходится бежать.

Тем временем Ричард III находит некоего Тирелла – беспринципного дворянина, страстно желающего выслужиться, и тот нанимает двух головорезов. Любопытно, что даже Тирелл – человек без чести и совести – не может говорить о смерти мальчиков без содрогания:

Такой постыдной богомерзкой бойней
Страна себя пятнает в первый раз.
...На что уж оба этих молодца
Кровавые собаки, мясники,
И то до слез растаяли, раскисли...
Слов лишась
От угрызений совести.

Большого совершить уже невозможно, даже Тирелл называет своего нанимателя «кровавым королем». Народ Англии ужасается невиданным преступлениям «богомерзкого тирана», «в... королевстве стон стоит и плач». И вот наконец появляется надежда на лучшее – Бэкингом поднимает восстание, а из Франции уже спешит избавитель – будущий король Генрих VII.

Последние дни шекспировского Ричарда III вызывают жалость. Ненавидимый всеми король отправляется на войну, окруженный только выскочками и сообщниками своих преступлений, «его друзья из страха в дружбе с ним», и даже родная мать шлет ему вслед проклятие:

Молюсь теперь я за твоих врагов...
Ты любишь кровь, в крови и утони,
Во сраме жил, кончай во сраме дни!

Ричард III еще успевает подавить восстание Бэкингема и казнить своего бывшего соратника, но гибель короля предрешена. Проклятие матери сбывается – в ночь перед последней битвой к тирану приходят призраки всех тех, кого он погубил. Принц Эдуард Ланкастер, король Генрих VI, герцог Кларенс, казненные родственники королевы Елизаветы, лорд Гастингс, сыновья Эдуарда IV, Анна Невиль и Бэкингом кружат вокруг него и предрекают одно и то же: «Отчаяние и смерть!» Ричард просыпается в холодном поту и наконец ощущает запоздалые муки совести:

Я клятвы нарушал – какие клятвы!
Я убивал – кого я убивал!
И все грехи – ужасные грехи!
Отчаянье – никто меня не любит.
Умру, не пожалеет ни один.
И в ком бы мог я встретить жалость, если
Во мне самом нет жалости к себе?

⁹ Герцог Бэкингом был одним из многочисленных потомков английского короля Эдуарда III.

Эта сцена – единственная, в которой Ричард испытывает душевную слабость, и единственная, в которой он не потусторонний монстр, а просто человек, которого ужасают собственные злодеяния. Однако человеческие чувства просыпаются в шекспировском Ричарде всего на несколько минут, очень скоро он восклицает:

Нет, не смутить наш дух пустыми снами!
Ведь совесть – вздор, о ней твердят лишь трусы,
Страшая тех, кто смел и кто силен,
Кулак – нам совесть, меч – вот наш закон!

Шекспировский Ричард III героически бьется в своей последней битве. Даже когда его войска начинают отступать, он отказывается бежать и кричит знаменитое: «Корону за коня!» Но его личная храбрость уже ничего не решает, в единоборство с Ричардом вступает Генрих Тюдор. Исход этой схватки известен заранее – еще святой король Генрих VI предсказал, что Тюдору суждено стать королем Англии; те же духи, которые перед битвой желали Ричарду III смерти, приходили и к Генриху VII и предсказывали его победу. В драме Шекспира все просто и символично – самого ужасного тирана в истории Англии собственноручно убивает основатель новой династии. Деспот повержен, вся страна ликует, Генрих Тюдор прощает всех сторонников Ричарда и призывает забыть о прошлом:

Нет больше распрей, кончена вражда,
Да будет мир на долгие года!

«Исторические хроники» Шекспира заканчиваются на такой мажорной ноте, что происходящее кажется нереальным. Дело вовсе не в том, что история вообще не кончается, а в том, что на самом деле все было не совсем так... или совсем не так.

Для того чтобы усомниться в реальности описанного Шекспиром, достаточно просто попристальнее взглянуть на биографические «факты» главного злодея английской истории. Итак:

Ричард появился на свет вперед ногами под аккомпанемент целой серии ужасных знамений.

Младенец был горбат, имел кривые плечи, ноги неравной длины, высохшую левую руку, малый рост и слабое здоровье. От других новорожденных его отличало также наличие вполне сформировавшихся зубов.

Ричард был не обычным человеком, а каким-то дьявольским созданием – уродливым, необычайно прожорливым, удивительно злым и двуличным. Не случайно многие испытывали к нему инстинктивное отвращение.

Едва ли не с раннего детства Ричард буквально бредил властью и желал получить английский трон любой ценой.

Ричард стал идейным вдохновителем Войн Роз, убедив своего отца сместить с престола святого короля Генриха VI Ланкастера.

Он участвовал во всех битвах Войн Роз и показал себя умелым, но исключительно жестоким воином.

После битвы при Тьюксберри Ричард Глостер заколол принца Эдуарда Ланкастера и пытался убить его мать королеву Маргариту.

Сразу же после этого сражения он с особой жестокостью убил старого беззащитного короля Генриха VI – на теле покойного нашли множество ножевых ранений.

Прямо над гробом Генриха VI Ричард обольстил невестку покойного – Анну Невиль, на которой хотел жениться по политическим и корыстным мотивам.

Ричард организовал убийство своего старшего брата – Джорджа Кларенса.

После смерти короля Эдуарда IV Ричард велел арестовать и казнить родственников королевы и наиболее лояльных придворных.

Ричард Глостер незаконно узурпировал английский трон.

Он посадил в Тауэр, объявил незаконнорожденными, а затем приказал убить детей своего брата короля Эдуарда IV.

Ричард III приказал отравить свою жену Анну Невиль и планировал жениться на родной племяннице – сестре убитых им мальчиков.

Шекспировский Ричард лишил своего доверия герцога Бэкингема за то, что тот отказался осуществить убийство принцев. Герцог был вынужден бежать и поднять мятеж.

Вся Англия устала от преступлений «кровавого тирана Ричарда» и с радостью приветствовала своего избавителя – благородного Генриха Тюдора.

Беспристрастный наблюдатель не может не отметить, что нарисованный Шекспиром образ – это откровенный гротеск. Даже если опустить фантастические детали и эмоциональные оценки, оказывается, что Ричард III виновен во всех беззакониях эпохи Войн Роз, он главный двигатель и почти что олицетворение этого конфликта. Шекспировский Ричард умудрился принять деятельное участие во всех политических преступлениях 50—80-х гг. XV в., причем большая часть политической элиты до последнего момента не догадывалась, что он стремился узурпировать трон.

Сомнения вызывает прежде всего та исключительная, нечеловеческая ловкость, с которой герой Шекспира обделяет свои дела – он обладает преступной, по меркам эпохи, внешностью, скверным характером, он постоянно интригует и убивает, а английские лорды смотрят на его действия с почти детским изумлением и понимают, кто он такой, только после убийства принцев. Злоба, черствость, двуличие и властолюбие шекспировского Ричарда III также абсолютно неправдоподобны. Шекспир создал гиперболизированный образ гениального злодея, который громоздит одно преступление на другое до тех пор, пока его не настигает Божья кара. Однако реальный король попросту не мог быть таким, каким он описан в «Исторических хрониках».

Сейчас мы с вами находимся именно в той точке, с которой начиналось движение ричардианцев. Историки и просто энтузиасты XVII–XIX вв. отталкивались именно от этой посылки – обрисованный Шекспиром монстр слишком ужасен для того, чтобы существовать в действительности. А теперь давайте разбираться с самого начала. Итак, настоящий Ричард родился...

Глава 2. Ричард Йорк и его супруга Сесилия (1415–1452)

Будущий король Ричард III родился 2 октября 1452 г. в Нортгемптоншире. Он был двенадцатым из тринадцати детей, которых Сесилия Невиль подарила своему мужу – всемогущему герцогу Ричарду Йорку. Современному человеку мысль о том, что владетельная герцогиня может родить тринадцать сыновей и дочерей, кажется по меньшей мере странной, однако для XV столетия в этом не было ничего необычного. Как правило, женщины рожали столько, сколько позволяла природа. Появление одиннадцатого ребенка не было чем-то выдающимся, но красноречиво свидетельствовало о двух вещах – крепком здоровье матери и не менее крепком браке. К 1452 г. Ричард Йорк и его супруга были женаты уже более 13 лет, и тем не менее их отношения оставались достаточно пылкими.

Родители Ричарда III познакомились за 37 лет до его рождения – в 1415 г. В тот год английский король Генрих V решил возобновить Столетнюю войну с Францией и одержал блестящую победу в знаменитой битве при Азенкуре. Одним из частных результатов этого великого сражения стало то, что отец Ричарда III – четырехлетний Ричард Йорк остался круглым сиротой. Под Азенкуром погиб его последний близкий родственник – дядя по отцовской линии. Несчастье мальчика отчасти компенсировалось богатым наследством – дядя оставил ему титул герцога Йорка и огромные земельные владения на Севере Англии. В соответствии с обычаями того времени Ричарду быстро подыскали опекуна. Заботу о воспитании сироты взял на себя его дальний родич – Ральф Невиль, у которого недавно родилась дочь Сесилия, впоследствии ставшая женой Ричарда Йорка и матерью героя этой книги.

Все детство и юность Ричард и Сесилия провели в замке Ральфа Невилля на севере Англии. Романтически настроенные историки полагают, что их любовь началась едва ли не в детской. Этот вариант нельзя исключать, но сохранившиеся документальные свидетельства настолько скудны, что оставляют место для любых предположений. Вполне вероятно, что Сесилия и Ричард действительно присматривались друг к другу. Дело в том, что в Средние века в знатных семьях было принято отправлять мальчиков на воспитание к друзьям или дальним родственникам; предполагалось, что это даст молодым людям необходимый жизненный опыт и одновременно позволит укрепить связи между дворянскими кланами. Как правило, юноши на всю жизнь сохраняли теплые отношения с бывшими воспитателями, очень часто союз семей закреплялся браком.

Возможно, Ральф Невиль с самого начала планировал выдать дочь за богатого и знатного воспитанника, однако в действительности свадьбу сыграли гораздо позже – в 1438 г., когда жениху было уже 27 лет и он совершенно не зависел от бывшего опекуна. В Средние века люди взрослели рано, и в двадцать семь Ричард Йорк считался зрелым мужчиной. Он действительно успел многое повидать.

Началом самостоятельной жизни Ричарда Йорка можно считать его участие в путешествии девятилетнего Генриха VI во Францию в 1430–1431 гг. В 1432 г. по достижении полного совершеннолетия¹⁰ Ричард Йорк вступил во владение своими землями. Он стал, пожалуй, самым богатым человеком в Англии. Напомним, что смерть дяди по отцу принесла Ричарду герцогский титул и громадные земельные владения в Йоркшире. В 1425 г., после смерти дяди по матери, Ричард Йорк унаследовал земли Мортимеров – графство Марч и графство Ольстер.

На протяжении следующих двух десятков лет карьера герцога Йорка складывалась вполне успешно. В силу своего происхождения он стал одним из членов Королевского совета, в котором, впрочем, не играл заметной роли. В 1433 г. Ричард Йорк был посвящен в рыцари

¹⁰ По законам того времени полное совершеннолетие наступало в 21 год.

ордена Подвязки, а в 1436-м занял пост генерал-лейтенанта Нормандии. Эта должность оказалась не только доходной, но и весьма хлопотной.

Для Англии 30—50-е гг. XV в. были самым неприятным периодом Столетней войны. Англичане постепенно теряли земли во Франции, завоеванные в предыдущие годы. Нельзя сказать, что это было время сплошных неудач, но все затеи англичан на континенте, что называется, выходили боком. В 1430 г. англо-бургундским войскам удалось захватить в плен Жанну д'Арк, но инквизиционный процесс против нее шел не слишком успешно, убедительных доказательств связи Жанны с нечистой силой найти не удалось, а мужественное поведение Девы во время суда и казни лишь подтвердило ее репутацию святой. Коронация юного Генриха VI в соборе Парижской Богоматери, задуманная как альтернатива коронации Карла VII, также не принесла политических дивидендов, так как ее провели с нарушением устоявшихся правил (в Париже, а не в Реймсе и без применения специального священного елея). Военные успехи были под стать политическим – англичане не смогли противостоять избранной Карлом VII партизанской тактике.

В результате площадь земель, подконтрольных Англии, неуклонно сокращалась. К 1436 г. почти вся Нормандия была охвачена восстанием. Ситуация осложнялась тем, что главный союзник англичан – герцог Бургундский – в 1435 г. перешел на сторону Франции и начал осаду одного из важнейших «английских» городов на континенте – Кале. Существовал также ряд серьезных внутривосточных проблем – политическая нестабильность, трудности со сбором налогов, наконец, нехватка денег и солдат.

Однако все эти объективные соображения англичан попросту не интересовали. Со времен Эдуарда III английская армия неизменно одерживала победы, все прекрасно помнили триумфальный французский поход Генриха V, помнили договор в Труа 1420 г., по которому Генрих V становился регентом Франции. Большинство жителей Англии свято верили, что юному Генриху VI суждено продолжить славные завоевания его отца, а новые победы – это лишь вопрос времени и, возможно, смены командования.

В этой ситуации молодой и решительный Ричард Йорк казался почти идеальным военачальником. Для борьбы с партизанским движением он прибег к тактике выжженной земли, жестко подавил антианглийские выступления, ему даже удалось захватить несколько французских городов. И тем не менее главная цель не была достигнута – добиться решительного перелома в войне не удалось. Дабы оправдать свое бессилие, Ричард Йорк объявил, что во всем виновато плохое снабжение, из Англии присылают слишком мало подкреплений. К 1438 г. герцог Йорк отчасти разочаровался в войне на континенте и проводил в Англии больше времени, чем во Франции.

Именно в этот период он наконец решил вступить в брак. По меркам эпохи это был довольно поздний союз – Ричарду Йорку исполнилось 27 лет, Сесилии Невиль – около 24. Обычно юношей и девушек из благородных семей сговаривали в раннем детстве, а настоящую свадьбу играли в подростковом возрасте. Возможно, Ричард Йорк не торопился с женитьбой, так как у него не было близких родственников, которые могли бы «надавить» на него в этом отношении. Впрочем, богатый мужчина в Средние века считался завидным женихом как минимум до 40 лет.

Для женщин ситуация складывалась менее благоприятно. 16–17 лет считались оптимальным возрастом для появления первого ребенка, но встречались и более ранние роды. Например, Маргарет Бофор родила будущего Генриха VII всего в 14 лет, и это вовсе не казалось современникам странным или неправильным. Долгое девичество, напротив, воспринималось негативно. 24-летняя Сесилия Невиль была признанной красавицей, носила весьма лестное прозвище «розы», обладала завидным приданым, но тем не менее считалась слегка перезрелой невестой. Так, в знаменитых «Кентерберийских рассказах» Чосера можно найти следующее суждение:

Смаку нет в той женщине,
Которой двадцать лет
Уж минуло...

Выбирая невесту, Ричард Йорк, как практически все люди того времени, руководствовался в первую очередь материальными интересами, что вовсе не исключало существования иных, более понятных современному человеку мотивов. В любом случае брак Ричарда Йорка и Сесилии Невиль оказался на удивление удачным.

Лучшим доказательством этого служит тот факт, что супруги практически не расставались, Сесилия повсюду следовала за своим мужем. Безусловно, идеальная жена должна была вести себя именно так, однако на практике немало женщин оставалось дома, контролируя положение дел в имениях и воспитание наследников. География рождений детей Ричарда и Сесилии Йорк может служить своеобразной летописью супружеской преданности. Первые два ребенка (Анна и Генрих) появились на свет в Англии в 1439 и 1441 гг. В 1442 г. Сесилия последовала за своим супругом во Францию. Эдуард (будущий король Эдуард IV), Эдмунд и Елизавета появились на свет в Руане. В 1446, 1447 и 1448 гг. в Англии родилось еще трое детей – Маргарита, Уильям и Джон. В 1449 г. Ричард Йорк был назначен наместником Ирландии, там увидел свет Джордж, будущий герцог Кларенс. После возвращения в Англию, в 1450 г. родился Томас, в 1452 г. – Ричард (будущий Ричард III), а в 1455 г. – Анна.

Между тем карьера отца семейства начала давать сбои. В 1439 г. Англия и Франция приступили к переговорам о мире. С этого момента Ричард Йорк, имевший репутацию последовательного сторонника продолжения войны, оказался в оппозиции. Он по-прежнему настаивал на усилении гарнизонов и получении новых средств, так как это соответствовало его личным убеждениям, приносило широкую общественную поддержку и, наконец, позволяло увеличить собственные доходы.

Необходимо подчеркнуть, что Ричард Йорк вовсе не был злодеем, цинично наживавшимся на национальных интересах, его действия невозможно оценивать по современным моральным критериям. В XV в. любая государственная должность служила прежде всего источником личного обогащения. Все без исключения чиновники того времени действовали в первую очередь в личных интересах, и если бы Ричард Йорк нарушил это правило, его сочли бы сумасшедшим, неспособным к государственной деятельности. Итак, постоянно требовавший подкреплений и новых военных действий Ричард Йорк превратился в очень неудобного персонажа. Английское правительство начало отдавать предпочтение более лояльному капитану Гиени герцогу Сомерсету. Сомерсет не одержал ни одной заметной победы, не пользовался популярностью в Англии, но его равнодушие к войне в данной ситуации превратилось в существенное преимущество. В итоге в 1445 г. Ричард Йорк потерял пост генерал-лейтенанта Нормандии и вынужден был вернуться в Англию.

Сохранившиеся источники говорят о том, что Ричард Йорк был человеком спокойным, может быть даже инертным, но потеря столь хлебной должности не могла его не разозлить. К тому же обстоятельства складывались так, что ему попросту пришлось включиться в политическую борьбу. Герцог Йорк вернулся в страну, в которой вновь начиналась борьба за регентство.

«Первый раунд» этого конфликта состоялся в 1420–1430 гг., когда за фактическое управление страной при малолетнем Генрихе VI боролись его дяди – Хемфри, герцог Глостер и Джон, герцог Бедфорд. К несчастью для Англии, по мере того как юный король подрастал, становилось ясно, что он не унаследовал политических и военных талантов своего отца, более того, оказался абсолютно неспособен к управлению государством. С раннего детства Генрих был слабым и нелюдимым ребенком. С возрастом в нем все ярче проступали черты душевной

болезни, унаследованной от деда по материнской линии – короля Франции Карла VI Безумного.

Карл VI (1368–1380—1422) был сумасшедшим в самом прямом, клиническом смысле этого слова. Властелин Франции сошел с ума в возрасте 24 лет. Во время одной из военных экспедиций рассудок Карла VI помутился, и он внезапно набросился с мечом на своих спутников, приняв их то ли за врагов, то ли за чертей. Вплоть до самой смерти король переживал постоянно повторяющиеся приступы безумия, во время которых он воображал себя стеклянным сосудом. Чтобы его случайно не разбили, Карл VI облачался в доспехи и запрещал придворным и врачам приближаться к себе.

Болезнь Генриха VI выражалась менее бурно – король был до абсурда благочестив, по-детски простодушен и инфантилен. Он проводил многие часы в молитвах, погружался в душе-спасительные размышления в самых неподходящих местах, и придворным не раз приходилось подхватывать корону, падавшую с монаршей головы. Генрих VI также категорически противился любому кровопролитию, доходя в своем милосердии до нелепости. В качестве примера достаточно привести следующий показательный случай, описанный современником короля Блэкменом. Однажды Генрих VI увидел подвешенные на воротах Лондона останки человека, казненного за государственную измену. По обычаю того времени, преступник был повешен, снят с виселицы еще живым, утоплен, а затем четвертован. Король был настолько далек от жизни, что не понял, на что он смотрит. Придворные пояснили, что это труп преступника, повешенного за измену королю. Услышав это, Генрих в ужасе вскричал: «Уберите это! Я никогда не хотел, чтобы кто-то из христиан был так жестоко наказан!»

Первый приступ помешательства, во время которого Генрих VI перестал осознавать окружающую реальность, случился в августе 1453 г., но и до этого момента душевные качества молодого короля делали его простой игрушкой в руках придворных. Еще в 20—30-е гг. XV в. во время борьбы герцогов Бедфорда и Глостера при дворе сформировались две группировки, которые современники называли «партиями». Сторонников Бедфорда можно условно обозначить как «придворную партию», так как именно Бедфорд в конечном итоге был назначен регентом, а его соратники заняли большую часть придворных должностей. Наиболее заметными членами «придворной партии» были канцлер Англии епископ Бофор и Уильям де ла Поль граф Саффолк. После смерти Бедфорда в 1435 г. именно они стали править Англией.

Если Бофору и Саффолку удалось завоевать симпатии придворных и короля, то Хемфри Глостер был очень популярен среди лондонцев, которые прозвали его «добрым герцогом Хемфри». Народная любовь к герцогу Глостеру была вызвана в первую очередь его резкими анти-французскими высказываниями. В то время как «придворная партия» все больше склонялась к мысли о мире, герцог Глостер при полном одобрении большинства англичан призывал продолжить дело Генриха V и во что бы то ни стало покорить Францию. Еще одной причиной популярности Хемфри Глостера были его изысканные увлечения. Герцог покровительствовал ученым, писателям и поэтам, увлекался изучением античной философии и литературы, наконец, он собрал огромную по тем временам библиотеку и передал ее в дар Оксфордскому университету. Одним из сторонников Хемфри Глостера был молодой Ричард Йорк.

В 1444 г., когда Ричард Йорк еще находился во Франции, в политической борьбе в Англии произошел решительный перелом. «Придворная партия» смогла наконец добиться заключения англо-французского перемирия на два года. Как отмечает Н.И. Басовская, этот договор был выгоден прежде всего французскому королю, который использовал мирную передышку для реорганизации армии и подготовки к более решительным военным действиям. «Придворная партия», разумеется, рассчитывала на совершенно иное развитие событий. В планы Бофора и Саффолка входило подписание полномасштабного мирного договора на условиях сохранения английских Нормандии и Аквитании.

Закрепить предполагаемый мирный договор должен был династический брак между Генрихом VI и племянницей французского короля – пятнадцатилетней красавицей Маргаритой Анжуйской. Инициатором брака Генриха VI был граф Саффолк, который лично ездил во Францию за королевской невестой. Помимо прочего, лидеры «придворной партии» надеялись, что живой и деятельный характер Маргариты поможет хоть немного расшевелить ее безвольного жениха. Однако и в этом Бофор и Саффолк просчитались. Состояние здоровья Генриха VI после свадьбы не улучшилось, а союз с французенкой был воспринят большинством англичан едва ли не как оскорбление. Молодая королева действительно попыталась убедить своего дядю заключить мирный договор с Англией. Не без ее влияния в 1445 г. в Англию прибыло французское посольство. Тогда же непримиримый сторонник продолжения войны с Францией Ричард Йорк был лишен поста генерал-лейтенанта Нормандии. По большому счету, политика «придворной партии» была вполне логичной, однако общественное мнение восприняло все это как предательство интересов Англии.

В сложившейся ситуации отстранение Ричарда Йорка от участия в войне было крупной политической ошибкой – он вернулся на родину как герой и немедленно развернул пропагандистскую кампанию, обвиняя Саффолка и королеву Маргариту в том, что они «продают» Нормандию французам. Это было тем проще сделать, что переговоры о мире провалились – их итогом стало всего лишь продление перемирия.

Вскоре у сторонников Хемфри Глостера появился еще один повод для обвинений. Почти сразу же после приезда Маргариты Анжуйской в Англию поползли слухи, что молодая королева излишне благоволит к графу Саффолку. Возможно, сплетня соответствовала истине. Брак Маргариты и Генриха VI являл собой совершенно бесперспективное сочетание огня и кислого молока. Королева слыла одной из первых красавиц Англии – современники восхищались ее золотистыми волосами, выразительными глазами, прекрасным цветом лица и изящной фигурой. Она сочиняла неплохие стихи, прелестно пела и отлично одевалась. К этому следует добавить жесткий, неженский ум, образованность и редкую силу характера. По иронии судьбы мужем этой восхитительной женщины стал человек робкий, недалекий, откровенно странный и чудовищно нелепо одетый. Никакой этикет не мог удержать придворных от насмешек над мешковатыми камзолами и бесформенными, растоптанными ботинками короля.

В том, что Генрих VI обожал свою жену, нет ничего удивительного, но королева вряд ли отвечала ему взаимностью. Некоторые британские историки полагают, что Маргарита Анжуйская покровительствовала лорду Саффолку, так сказать, издалека. Точных данных на этот счет нет, но совокупность косвенных доказательств выглядит весьма внушительно. Помимо устойчивых слухов необходимо учитывать довольно свободные нравы, царившие при дворе отца Маргариты – Рене Анжуйского, и сомнительные мужские качества Генриха VI. К тому же граф Саффолк был полной противоположностью несчастного короля – неплохой полководец и знаменитый турнирный боец, он был способен при случае щегольнуть изысканным французским мадригалом. Современный человек вряд ли сможет, не кривя душой, осудить шестнадцатилетнюю девушку, которую по политическим соображениям выдали замуж за душевнобольного. Мораль XV в. была куда строже – опозоренный муж мог безнаказанно убить неверную жену. К счастью для Маргариты, Генрих VI оказался очень покладистым супругом – он полностью доверял своей жене, а неприятные слухи попросту пропускал мимо ушей.

Разумеется, сторонники Хемфри Глостера и Ричарда Йорка это доверие не разделяли. Они без обиняков говорили все, что думали об «истинных» причинах успеха Уильяма Саффолка и нравственности королевы. Ответные действия «придворной партии» были весьма жесткими – Ричард Йорк был исключен из Королевского совета. Более того, в 1447 г. Хемфри Глостер был арестован и помещен в Тауэр под откровенно надуманным предлогом – дядю короля обвинили в государственной измене. Через несколько дней герцог Глостер был найден в своей камере мертвым. Историки спорят, было ли это убийство, или смерть пятидесятисеми-

летнего аристократа имела естественные причины. Жители Лондона высказались куда более определенно – горожане открыто обвиняли в смерти «доброго герцога Хемфри» Саффолка и Маргариту Анжуйскую.

В том же 1447 г. скончался кардинал Бофор. Лидером «придворной партии» и почти что правителем королевства стал граф Саффолк. Как любой другой временщик, он стремился упрочить свое положение, получив как можно больше должностей и земельных пожалований. Королевская чета с охотой шла навстречу всем его требованиям – Саффолк был назначен лордом-камергером и адмиралом Англии, возведен в герцогское достоинство, к нему перешло управление несколькими королевскими замками и манорами.

Стоит отметить, что «пирог», который делили между собой влиятельные лорды, вовсе не был бесконечным. Чем больше доставалось герцогу Саффолку и его сторонникам, тем сильнее становилась критика оппозиции. После смерти Хемфри Глостера лидером оппозиционеров сделался Ричард Йорк. По праву рождения герцог Йорк должен был стать одним из ближайших советников короля. Между тем на 1447 г. он не только не имел значимых придворных должностей, но даже не входил в Королевский совет. Именно вопиющая несправедливость сложившейся ситуации вынудила Йорка взять на себя роль главы «партии войны» и приступить к активным действиям. Немаловажную роль в данном случае играли и финансовые соображения.

Дело в том, что на закате Средневековья жизнь английского аристократа была вовсе не беспечальной. С одной стороны, появилась мода на роскошный, почти разорительный образ жизни. Одежда лорда обязательно должна была блистать золотом, серебром и драгоценными камнями, замки принято было обставлять изысканной мебелью и украшать дорогими безделушками. мода требовала содержать целый штат трубадуров, устраивать грандиозные празднества и пиры, где можно было увидеть и миниатюрные города из выпечки, и жареных птиц, вновь одетых в перья, и даже пироги, внутри которых играл небольшой оркестр. При этом существенно сократить расходы было невозможно – тратить меньше, чем другие магнаты, считалось величайшим позором.

С другой стороны, доходность крупных дворянских имений непрерывно падала, и даже самый богатый человек Англии – Ричард Йорк – не мог жить по средствам. Единственным способом как-то свести концы с концами были государственные должности, открывавшие широкий простор для узаконенной коррупции. Потеряв дополнительный источник доходов, герцог Йорк оказался в весьма затруднительном финансовом положении.

К несчастью для «придворной партии», обиженным почувствовал себя не только Ричард Йорк, но и его многочисленные сторонники. Если бы в «партию» Йорка входили только он сам, его ближайшие родственники и несколько друзей, это объединение можно было бы считать вполне безобидным. На деле к йоркистам могла причислить себя как минимум четверть английского дворянства.

В XV столетии в Англии существовала система социальных связей, внешне напоминающая древнеримскую клиентелу. На смену традиционным феодальным отношениям, в которых сеньор мог рассчитывать только на своих непосредственных вассалов, пришла более сложная структура. Магнаты охотно покровительствовали дворянам, не связанным с ними вассальными обязательствами, причем это покровительство могло выражаться в любой форме – от классического пожалования земель за службу до денежных субсидий и юридической поддержки. В англоязычной историографии эту систему именуют бастардным феодализмом (*the bastard feudalism*), русскоязычные исследователи традиционно используют несколько саркастическую, но тем не менее емкую формулировку – «феодализм убудочный».

В существовании этой системы были заинтересованы все слои дворянства. Как уже отмечалось выше, борьба за придворные должности для магнатов была вопросом финансового выживания. Чтобы увеличить свое политическое влияние, аристократы, естественно, нужда-

лись в сторонниках. Они формировали так называемые ливрейные дружины, в которые входили зависимые от них люди, слуги и, наконец, вооруженные наемники. Но главной основой могущества любого лорда была поддержка части дворянства. В ответ магнат использовал свою близость к королю и должностное положение для «решения» проблем своих подопечных.

Между тем проблем в жизнь английского дворянина хватало. Земельные отношения в этот период были крайне запутанными, и почти каждая дворянская семья вела одну или несколько земельных тяжб. Официальное, королевское правосудие очень часто оказывалось неэффективным, поэтому семья вынуждена была искать обходные пути. Прежде всего, дворяне пытались найти союзников, то есть семьи, имеющие сходные земельные интересы. Девизом джентри XV в. вполне могла бы стать расхожая фраза «враг моего врага – мой друг». В начале любого конфликта джентри стремились узнать, кому еще насолил, например, Джон Смит, и нельзя ли объединиться, чтобы мстить г-ну Смиту совместно. К разбирательству подключались родственники с обеих сторон и те, кто помогали этим родственникам в других конфликтах. В результате в каждом графстве складывались неформальные объединения, члены которых поддерживали друг друга и в юридических процессах, и в нередких в то время силовых акциях. В середине XV в. дворянская группировка вполне могла силой занять или разграбить спорные земли; ограбить и избить «оппонента», захватить его в плен и держать на хлебе и воде, вынуждая подписать письменный отказ от спорной собственности, разогнать арендаторов и т. п. Все эти вещи были повседневной реальностью, поэтому выжить вне системы дворянских союзов было абсолютно невозможно. Также невозможно было пресечь беззакония, поскольку каждая группировка имела влиятельного покровителя среди лордов.

Лорды, в свою очередь, объединялись в группы, сцементированные родственными, имущественными и политическими интересами. После смерти Хемфри Глостера Ричард Йорк в силу разветвленных родственных связей, военных и политических заслуг оказался главой такого клана, поэтому задевать его было очень опасно. Герцог Йорк лишился придворных должностей, а его «партия» лишилась доступа «наверх». В результате были ущемлены интересы заметной части дворянства. «Придворная партия» не могла не понимать, что «ответ» неизбежен.

Политические страсти накалялись, чему способствовала ситуация во Франции. В 1448 г. английские гарнизоны, не получавшие достаточной материальной поддержки, были вынуждены оставить Мен. В Англии начали поговаривать, что Саффолк и королева Маргарита попросту продали эту часть английских владений французам. Популярность Ричарда Йорка стремительно росла, поэтому его попытались удалить из Англии. В 1449 г. он был назначен вице-королем Ирландии и отбыл в то, что все единодушно именовали почетной ссылкой.

По замыслу Маргариты и Саффолка, их противник не должен был добраться в Ирландию живым. В графстве Чешир на него было устроено покушение. По счастью, Ричард Йорк путешествовал именно так, как положено человеку его ранга – в сопровождении большой, вооруженной до зубов свиты. Нападение было отбито. Планы «придворной партии» нарушило и еще одно обстоятельство. Ричард Йорк оказался необычайно способным управленцем. Он смог навести порядок в английской части Ирландии и приобрести любовь местных жителей. Герцог Йорк оставил о себе настолько добрую память, что даже в 90-х гг. XV в. ирландцы горячо поддерживали его потомков.

В конце 1449 г. на «придворную партию» обрушился новый удар судьбы. Король Франции Карл VII возобновил военные действия. При горячей поддержке местного населения французские войска начали отвоевывать Нормандию. Королевское окружение срочно сформировало трехтысячную армию, но вместо ожидаемой победы последовало первое в истории Столетней войны сокрушительное поражение. 10 апреля 1450 г. английские войска были наголову разбиты в сражении при Форминьи. Последний английский гарнизон в Нормандии капитулировал в августе 1450 г.

Англичане восприняли это событие как общенациональную катастрофу. Верить в то, что потеря Нормандии вызвана объективными причинами, никто не хотел, поэтому на свет была извлечена проверенная веками формулировка – во всем виноваты дурные советники короля и француженка-королева. В январе 1450 г. Палата Общин потребовала отставки герцога Саффолка. Генрих VI, считавший Саффолка своим лучшим другом, был вынужден санкционировать его арест. Герцога приговорили к пятилетнему изгнанию. 1 мая 1450 г. Саффолк покинул Англию. Ненависть лондонцев к нему была так велика, что после известия об отплытии герцога Саффолка около 2000 жителей столицы отправились за ним, чтобы отомстить за «продажу» Нормандии. Корабль герцога перехватили близ Дувра. Фаворит королевы был обезглавлен ржавым, тупым мечом. Легенда гласит, что голова герцога была отрублена только после шестого удара.

Теперь главой «придворной партии» стал герцог Сомерсет, ранее бесславно командовавший английскими войсками во Франции. Вскоре англичане стали поговаривать, что Эдмунд Сомерсет «унаследовал» также и благосклонность королевы Маргариты. Как и в случае с Саффолком, прямых доказательств существования любовной связи между Маргаритой Анжуйской и Эдмундом Сомерсетом не существует.

Как бы то ни было, положение дел на континенте продолжало ухудшаться. Убийство Саффолка, разумеется, несколько не повлияло на ход военных действий. Крайне сложная экономическая ситуация, рост цен, повышение налогов, коррупция местных органов власти и ненависть, которую большинство англичан питало к «дурным советникам короля», привели к социальному взрыву. В мае 1450 г. в Англии начался бунт. Как сообщает Лондонская хроника, «общины Кента восстали, и пришли в ярость в июне... их предводителем был Джек Кэд». Стоит отметить, что мистер Кэд провозгласил себя ни много ни мало двоюродным братом герцога Йоркского. Восставшие требовали казнить неугодных чиновников, понизить налоги и вернуть Ричарда Йорка в число королевских советников.

Этот факт красноречиво свидетельствует о популярности герцога Йоркского. Очевидно, в 1450 г. его воспринимали как человека, который способен наконец наказать виновников поражения во Франции и навести порядок в королевстве. На деле Йорк был не хуже и не лучше лордов «придворной партии» – все различие между ними заключалось в том, что герцог удачно эксплуатировал две чрезвычайно популярные в обществе идеи: продолжение Столетней войны и отстранение от власти «плохих советников» короля.

Необходимо подчеркнуть, что к началу бунта герцог Йорк не имел никакого отношения. Вероятно, он, также как большинство англичан, рассматривал восстание Кэда как опасную смуту. Вполне типичным было суждение лондонского хрониста: «Джек Кэд и его люди выдвинули множество требований и говорили, что общины Кента сильно обижены, но главной целью кентцев был грабеж».

Тем не менее не воспользоваться такой возможностью было бы глупо. Узнав, что восставшие требуют его возвращения и что это требование привлекает к ним новых сторонников, герцог оставил свой пост и отправился в Англию. Разумеется, это было прямым неповиновением воле короля. Впрочем, Ричард Йорк мог оправдать себя тем, что пренебрег не королевским приказом, а указаниями монарших советников.

В 1450 г. Генриху VI исполнилось 29 лет, но он по-прежнему был не в состоянии вести государственные дела. Когда историки, вслед за хронистами, отмечают, что Генрих VI издал такой-то указ или принял такое-то решение, они, как правило, грешат против истины. Реальная роль короля сводилась к подписанию бумаг. В тех редких случаях, когда Генрих VI отвлекался от благочестивых размышлений и действительно предпринимал какие-то действия, результаты бывали трагическими. Так, когда участники восстания Джека Кэда нанесли поражение королевским войскам и двигались к Лондону, Генрих VI заявил, что слышать не хочет о возможности новых военных действий, и... отправился «подышать сельским воздухом» в замок Кенил-

ворт. Власти Лондона и оставшиеся в городе королевские чиновники могли обороняться как им заблагорассудится, короля эти проблемы более не касались. Восстание Кэда и несколько последовавших за ним более мелких выступлений были подавлены без всякого участия главы государства.

Если сам Генрих VI не проявлял заинтересованности в государственных делах, то «придворная партия» демонстрировала завидную активность. По дороге из Ирландии герцогу Йорку снова пришлось столкнуться с отрядами, которые должны были предотвратить его появление в Лондоне. Убить или хотя бы задержать герцога Йорка не удалось. 20 сентября 1450 г. он появился в Виндзоре в сопровождении четырехтысячного отряда и предъявил Генриху VI свой «билль», в котором требовал наказания виновников потери Нормандии (прежде всего герцога Сомерсета) как государственных изменников и возвращения своего законного места в Королевском совете. В тот момент Йорк пользовался настолько широкой общественной поддержкой, что мог не просить, а именно требовать. Современники отмечали, что герцог Йорк «хочет того же, чего хотят и общины, и все, что он хочет – справедливо».

Пользуясь случаем, Йорк также осведомился, почему на его пути были расставлены засады. На это король с редким простодушием ответил – ему сказали, что у герцога дурные намерения, но теперь он убедился, что это не так. Далее Генрих VI торжественно провозгласил Ричарда Йорка «своим верным вассалом и добрым кузеном» и заверил, что он всегда хотел, чтобы государство управлялось правильно.

В ожидании дальнейшего развития событий герцог Йорк отправился в свой замок Фотерингей и начал собирать сторонников. На этот раз речь шла не о съезде единомышленников, а почти что о создании армии. Каждый из лордов приезжал в Фотерингей во главе большого вооруженного отряда. На заседания Парламента в октябре 1450 г. магнаты явились в сопровождении вооруженных дубинами свит. Поскольку в здание Парламента запрещалось проносить более серьезное оружие, этим дело пока и ограничилось. Начались столкновения на улицах Лондона. Йоркисты требовали суда над Сомерсетом, и король оказался вынужденным согласиться на его арест. Казалось, что Йорк будет восстановлен в своих правах. Однако в начале декабря ситуация снова изменилась. По просьбе королевы Сомерсет был освобожден, назначен капитаном Кале и смотрителем королевского хозяйства. Единственное, чего удалось добиться йоркистам – это временного удаления Сомерсета из Англии – герцог отправился во вверенный его попечению «английский» порт на континенте.

Весной 1451 г. сторонники герцога Йорка еще раз попытались взять реванш – на заседании Палаты Общин депутат от Бристоля Томас Юнг предложил объявить Ричарда Йорка наследником престола. Ричард Йорк действительно имел право унаследовать корону – он был потомком короля Эдуарда III и по отцовской, и материнской линиям (см. династическую таблицу). Если бы Генрих VI умер бездетным, Ричард Йорк оказывался бы одним из трех возможных кандидатов на престол. Вторым был фаворит королевы герцог Сомерсет, третьим – племянница Сомерсета Маргарита Бофор, которая впоследствии стала матерью Генриха VII Тюдора.

В данном случае важны были не столько теоретические права Ричарда Йорка, сколько сам факт обсуждения вопроса о наследовании тридцатилетнему мужчине, который теоретически мог дожидаться рождения собственных детей. Однако король проводил все больше времени в молитвах и медитациях. По Лондону поползли слухи, что Генрих VI утратил способность к деторождению, и оппозиция ловко использовала общественное мнение. Большинство депутатов Палаты Общин высказались в поддержку Ричарда Йорка.

Необходимо учесть, что официальное признание герцога Йорка наследником повлекло бы за собой передачу должностей и полномочий, находившихся в руках лордов «придворной партии». Ни королева, ни король никогда бы на это не согласились. Предложение Томаса Юнга было отвергнуто Палатой Лордов, Генрих VI подписал распоряжение о роспуске Парламента,

а сам Юнг оказался в Тауэре. Ричард Йорк был вынужден удалиться в свои владения в Уэльсе, где мог чувствовать себя в полной безопасности.

Временная победа «придворной партии» не улучшила политической обстановки. К августу 1451 г. Англия потеряла лучшую часть своих французских владений – Аквитанию, под властью британского монарха остался только порт Кале и его окрестности. За ведение войны во Франции по-прежнему отвечал герцог Сомерсет, и англичане окончательно убедились, что фаворит королевы в сговоре с французами.

Неудивительно, что в начале января 1452 г. Ричард Йорк направил королю новое послание, в котором требовал ареста предателя Сомерсета и перераспределения придворных должностей. На письмо даже не ответили. Тем временем финансовое положение герцога Йорка продолжало ухудшаться. У него появились значительные долги. Подталкиваемый этим немаловажным обстоятельством, Йорк начал собирать армию.

Напомним, что вооруженный отряд был у каждого сколько-нибудь влиятельного дворянина. В экстренных случаях, как, например, в 1452 г., число солдат можно было легко пополнить за счет наемников. В Англии середины XV в. солдаты стоили дешево, так как «предложение» намного превышало «спрос». Чем больше земель отвоевывали французы, тем больше наемников возвращалось на родину. Стоит отметить, что наемный отряд XV в. мало напоминал современное войсковое соединение – у солдат не было ни формы, ни единообразного оружия, ни, что гораздо важнее, твердой дисциплины. Даже хорошо организованная армия во время военных действий жила за счет грабежа местного населения. Неудивительно, что, вернувшись в Англию, солдаты Столетней войны предпочитали не осваивать новые мирные профессии, а заниматься привычным делом, то есть грабежом. По стране бродили настоящие банды, готовые пойти на службу к любому, кто им заплатит.

В феврале в распоряжении Ричарда Йорка оказалось целое войско. Он двинулся к Лондону, но власти столицы отказались впустить в город противников короля. Естественно, сторонники королевы и Сомерсета тоже не теряли времени даром, они собирали свою армию. Под номинальным командованием Генриха VI королевские войска выдвинулись из Лондона и встали лагерем около Блэкхета, который сейчас является одним из юго-восточных пригородов столицы Великобритании. Вскоре напротив них выстроились силы йоркистов. Однако вместо сражения начались переговоры. Моральные принципы Генриха VI, весьма далекие от общих представлений эпохи, не позволяли согласиться на пролитие христианской крови. Король предпочел пойти на уступки. Он поклялся, что «герцог Сомерсет ответит за свои действия по тем обвинениям, которые против него выдвинет герцог Йорк».

По-видимому, герцог Йорк не представлял, как далеко зашло душевное расстройство Генриха VI и какое влияние имеют на него просьбы королевы Маргариты. Полагаясь на клятву монарха, Ричард Йорк распустил свою армию и предстал перед королем почти без охраны. Можно представить, какое разочарование постигло герцога Йорка, когда среди сановников, окружавших душевнобольного монарха, он заметил ненавистного Сомерсета – королева упростила супруга не предпринимать ничего против ее любимца. Победа йоркистов обернулась поражением, а потом и унижением – 10 марта 1452 г. в соборе Святого Павла герцог Йорк торжественно поклялся, что не будет более собирать войска и подчинится любым приказам короля. Свидетели церемонии отмечали, что Генрих VI был в приподнятом настроении. Короля никак нельзя заподозрить в коварстве, возможно, в простоте душевной Генрих VI полагал, что ему удалось всех помирить.

Несмотря на то что войска короля и Ричарда Йорка так и не вступили в сражение, противостояние близ Блэкхета можно считать началом Войн Роз. Сам факт набора двух армий, пусть даже не вступивших в сражение, явился шоком для современников. Теперь военные действия могли развернуться не за морем, а, может быть, совсем рядом с их домом. И военные действия действительно начались. Дворянские группировки в графствах восприняли противосто-

яние йоркистов и сторонников короля как официальное разрешение на насилие. Вернувшиеся из Блэкхета отряды принялись расправляться со своими врагами. Например, графство Норфолк терроризировала настоящая банда под предводительством шерифа. Они убивали даже на пороге церкви, захватывали заложников, грабили дома и т. д. и т. п.

После унижительной мартовской церемонии Ричард Йорк удалился в свою любимую резиденцию – замок Фотерингей. Новое выступление йоркистов отсрочили известия из Франции. В августе 1452 г. в Лондон прибыли посланцы из столицы Аквитании – Бордо. Они обещали поддержать англичан, если те решат вернуть свои земли. На деле вернуть Аквитанию было невозможно – английская экономика находилась в плачевном состоянии, а армия намного уступала войскам французского короля. Тем не менее в стране начался экстренный сбор средств. Как отметила Н.И. Басовская, всплеск военной активности англичан в 1452–1453 гг. целесообразно рассматривать не в рамках Столетней войны, а в рамках начинавшихся Войн Роз. Победа принесла бы йоркистам огромные политические дивиденды, проигрыш позволил бы еще жестче критиковать фаворитов короля. К октябрю 1452 г. армия для «освобождения» Аквитании была полностью сформирована.

Глава 3. В безопасности в замке Фотерингей (1452–1459)

В те дни, когда английские солдаты готовились отплыть во Францию, в семье герцога Йорка произошло важное событие. 2 октября 1452 г. на свет появился пятый сын Ричарда и Сесилии Йорк – будущий Ричард III. Источники не сообщают никаких подробностей, но, по видимому, все прошло в соответствии с обычаем.

В середине XV в. роды, как ни странно, были мероприятием публичным. В знатных семьях появление наследника и вовсе превращалось в сложный церемониал. Обычно для этого предназначалось специальное помещение. Например, наследник семьи Тюдоров обязательно должен был увидеть свет в главной башне замка Пемброк. Ричард родился в замке Фотерингей – любимой резиденции Ричарда Йорка. Фундамент замка был заложен еще в XII в. К началу XIV столетия он почти совершенно разрушился. Руины, стратегически выгодно расположенные на северном берегу реки Нен, король Эдуард III подарил своему пятому сыну Эдмунду Ленгли, основателю рода Йорков. При Эдмунде, первом герцоге Йорке, замок был отстроен и укреплен. К сожалению, до наших дней этот замок не сохранился. Дело в том, что в 1587 г. в нем состоялись суд над Марией Стюарт и ее казнь. Сын Марии – английский король Яков VI отдал приказ разрушить Фотерингей до основания. Современные туристы могут увидеть только прелестную дереvушку Фотерингей и зеленый холм, на котором раньше стоял замок.

В соответствии с местным преданием Ричард III родился в той самой зале, где впоследствии отрубили голову Марии Стюарт, но имеет ли эта легенда отношение к истине, неясно. В любом случае по обычаю XV в. для появления нового отпрыска рода Йорков было отведено большое, богато украшенное помещение, в центре которого располагалась кровать с балдахинном. Роженицу поместили в этот покой заблаговременно, примерно за две недели до ожидаемого события.

Любопытно, что при рождении наследника рода Йорков присутствовали не только акушерки и служанки. Кроме них в комнате находились и совершенно бесполезные с точки зрения современного человека персонажи – камеристки, приживалки, с десятков придворных дам герцогини Сесилии и, возможно, кто-то из ее близких родственниц. Все эти дамы при необходимости могли подтвердить, что ребенок появился на свет как положено, не был подменен и, следовательно, является законным наследником Йорков.

Присутствие отца при нормальном течении родов исключалось. Однако вскоре после появления младенца на свет Ричард Йорк навестил свою супругу, поздравил ее и взглянул на сына. Этот обязательный визит можно рассматривать не только как выражение естественных супружеских и родительских чувств, главной его целью было формальное признание ребенка. После этого младенца унесли в детскую, где ему надлежало находиться в течение первых трех лет жизни.

Ричард родился в очень сложный момент – в стране начиналась гражданская война, а будущее его отца было весьма неопределенным. Из-за переживаний матери, сочувствовавшей несчастьям супруга, а может быть, в силу других, неизвестных причин он родился слабым и болезненным. Врачи не были уверены в том, что ребенок выживет.

Напомним, что будущий Ричард III был двенадцатым ребенком Ричарда и Сесилии Йорк. Но если считать только выживших на 1452 г. детей, то Ричард оказывается седьмым. К сожалению, высокая детская смертность была также характерна для Средневековья, как и высокая рождаемость. Уровень развития медицины оставлял желать много лучшего. При почти полном отсутствии лекарств и зачастую абсурдных методах лечения¹¹ любая инфекция могла обернуться тяжелейшими осложнениями. Специалисты подсчитали, что в среднем в младенчестве

¹¹ Например, универсальным средством от любой болезни считалось кровопускание.

умирало 50 % детей. История семьи Ричарда III подтверждает справедливость этой печальной статистики. Три старших брата Ричарда – Генрих, Уильям и Джон – умерли еще до его рождения. Томас, который был младше Ричарда на два года, не дожил до пяти лет.

Однако с точки зрения современного человека и семь детей – это очень много. Логичным было бы предположить, что детство Ричарда, проведенное в компании родителей, четырех братьев, трех сестер и множества слуг, было как минимум нескучным. На деле все обстояло несколько иначе. Прежде всего, из круга тех, с кем Ричард часто общался в детские годы, следует исключить родителей.

В Средние века представление о правильном воспитании детей было абсолютно иным, чем в наши дни. В первые два-три года жизни ребенок воспринимался как некое забавное, но неразумное существо, к которому не стоит слишком привязываться, потому что оно может умереть в любой момент. Считалось, что такой ребенок еще слишком мал, чтобы его воспитывать, ему требуется в основном примитивная физическая забота.

Стоит отметить, что знатные родители в XV в. были полностью избавлены от всех житейских неприятностей, связанных с повседневным уходом за младенцем. Даже будущих наследников престола полностью вверяли попечению кормилиц и многочисленных нянек. Леди никогда не кормили детей грудью, и нам неизвестно о том, чтобы Сесилия Йорк отступала от этого правила – подобный поступок был совершенно несовместим с ее высоким положением, его сочли бы какой-то непристойной выходкой. Не менее странным показалось бы намерение герцогини самой поухаживать за ребенком. Роль знатной матери была чисто декоративной. В течение нескольких недель после родов герцогиня Сесилия, по обычаю, возлежала на пышно убранной постели в родильном покое. Красиво спеленатого младенца ей приносили всего на несколько минут в день. Мать говорила приличествующие случаю слова, придворные дамы миленно вздыхали, церемония заканчивалась, и маленький Ричард снова оказывался в своей колыбели в детской комнате.

Необходимо подчеркнуть, что подобная церемонность в обращении вовсе не говорила об отсутствии родительской любви. Детей в Средние века любили и баловали ничуть не меньше, чем в наши дни, просто формы проявления этой любви были несколько иными. Любовь выражалась в подборе кормилиц и в контролировании их деятельности для обеспечения физического комфорта младенца. После того как заканчивался обязательный срок пребывания в постели, мать могла время от времени заглядывать в детскую, но более приличным считалось потребовать, чтобы ребенка приносили к ней. Вероятно, Ричарда целовали, немного играли с ним и отсылали обратно.

Если мать мало виделась с сыном, то говорить о сколько-нибудь заметной роли отца и вовсе не приходится. Дело здесь не только в том, что Ричард Йорк с головой погрузился в политическую борьбу. Даже когда он находился в замке Фотерингей, его участие в жизни сына ограничивалось короткими, почти формальными визитами.

Через несколько месяцев после рождения будущего Ричарда III его родители на время уехали из замка Фотерингей, чтобы посетить другие земли, принадлежавшие Ричарду Йорку. Такого рода перемещения были абсолютной необходимостью для каждого магната. Только личный контроль мог обеспечить хотя бы относительную честность многочисленных управляющих и лояльность местных дворян. Кроме того, наличие целой армии слуг, зависимых людей и придворных создавало продовольственную проблему. Дороги были плохими и небезопасными, свозить продукты в один-единственный замок оказывалось невыгодно – гораздо проще было перемещаться из манора в манор, постепенно «перерабатывая» накопленные на местах запасы. Маленькие дети, как правило, не участвовали в этих постоянных перемещениях. Они жили в центральной резиденции, куда родители заезжали на несколько месяцев в году, чтобы решить накопившиеся дела и повидать своих домочадцев. По-видимому, раннее детство Ричарда прошло в обществе слуг.

Будущий Ричард III, как и любой другой ребенок, считался младенцем до трех лет. До этого возраста его кормили грудью и укладывали спать в колыбель. Любопытно, что в Средние века ребенок до трех лет воспринимался как существо практически лишенное половой принадлежности – и мальчиков, и девочек одевали и стригли одинаково, они играли в одни и те же игрушки; внешне маленького Ричарда нельзя было отличить от девочки того же возраста.

Поскольку все были уверены, что маленькие дети почти не понимают поступков и речей взрослых, в выражениях и средствах воспитания не стеснялись. В XV в. никому бы и в голову не пришло, что при детях нельзя употреблять бранные слова или обсуждать откровенные темы – все это делалось без малейшего стеснения. Шлепки и подзатыльники считались до смешного малым наказанием. Ребенок должен был подчиняться воле взрослых, а если он этого не делал, например мешал купать себя или отказывался есть, его попросту связывали, разумеется, для его же пользы. Никто не обращал внимания ни на детский плач, ни на мелкие недомогания (они считались естественными).

Помимо кормилиц и служанок компанию Ричарду должны были бы составлять его многочисленные братья и сестры. Однако это было не совсем так. Прежде всего, далеко не все дети жили вместе с родителями. Напомним, что примерно в 7 лет мальчиков отправляли на воспитание к родственникам или друзьям. Считалось, что только так ребенок может получить необходимые практические знания и научиться вести себя в обществе. К 1452 г. в замке Фотерингей жили всего трое детей. Маргарита, родившаяся в 1446-м, была старше Ричарда на шесть лет и слишком взрослой для того, чтобы делить с ним развлечения. Гораздо ближе по возрасту был Джордж, будущий герцог Кларенс, его с Ричардом разделяли три года. Почти ровесником будущего короля был Томас, появившийся на свет в 1450 г. Известно, что Томас умер до 1455 г., но был ли он достаточно здоров для того, чтобы участвовать в детских забавах, неясно.

Собственно, и сам Ричард вряд ли много времени проводил за играми. Он был очень хилым и болезненным ребенком. В метрических записях Йорков, сделанных между 1455 и 1460 гг., присутствует весьма циничная, на взгляд современного человека, фраза: «Ричард все еще жив». Возможно, эта запись была сделана во время тяжелой болезни, но более вероятно, что она говорит о постоянных недомоганиях, которые заставляли врачей предполагать самое худшее.

Пока маленький Ричард учился ходить и говорить, за стенами его родного замка становилось все более беспокойно. Готовившаяся в момент его появления на свет экспедиция во Францию оказалась не вполне успешной. Англичанам действительно удалось вернуть Бордо и ряд других крепостей, но уже в июле 1453 г. они потерпели сокрушительное поражение. Английский гарнизон укрылся за стенами столицы Аквитании, для снятия осады нужна была новая компания, однако денег на войну не было.

К тому же 13 октября 1453 г. в Англии произошло событие, на фоне которого любые известия из Франции казались второстепенными: у Генриха VI наконец родился наследник – принц Эдуард. Для сторонников герцога Йорка эта новость была скорее печальной. Самим фактом своего рождения Эдуард Ланкастер ставил крест на честолюбивых планах герцога Йорка унаследовать корону. Возможно, поэтому йоркисты всячески поддерживали слухи о том, что Эдуард не является сыном короля. Принца фактически открыто называли ребенком королевы от ее фаворита – герцога Сомерсета. К чести Ричарда Йорка необходимо отметить, что он не поддерживал эти толки и без колебаний присягнул принцу Эдуарду на верность.

Скорее всего, кормилицы, няньки и служанки, ухаживавшие за детьми Ричарда Йорка, были менее сдержанны. Годовалый Ричард должен был слышать, как они обсуждают эту живописную тему, но вряд ли понимал, о чем речь.

Итак, слухи о незаконном происхождении наследника престола не имели заметных последствий. Тем не менее всего через несколько дней после рождения Эдуарда Ланкастера политическая ситуация обострилась до предела. Как обычно, катализатором недовольства

послужили новости из Франции. 19 октября оттуда пришло известие о капитуляции Бордо. Аквитания была потеряна, но англичане не допускали даже мысли о реальном военном превосходстве французов, в Лондоне вновь заговорили о предательстве. Мишенью этих обвинений, как обычно, стали королева и герцог Сомерсет.

Ричард Йорк громогласно требовал ареста королевского фаворита, но к королю никого не пускали. Когда в ноябре эта «блокада» наконец была прорвана, выяснились поистине ужасные вещи. Оказалось, что еще в августе 1453 г. Генрих VI полностью потерял рассудок. Монарх никого не узнавал, никак не реагировал на действия окружающих; его приходилось насильно кормить и переносить с места на место. Королеве и лордам «придворной партии» на протяжении нескольких месяцев удавалось скрывать безумие Генриха VI. Цель этих манипуляций была ясна всем – королева и ее окружение не желали делиться властью.

Как только правда выплыла наружу, Ричард Йорк потребовал созвать Королевский совет, чтобы решить главный на тот момент вопрос – кто будет опекуном душевнобольного короля и регентом королевства. Напомним, что причиной политического доминирования «придворной партии» была личная благосклонность Генриха VI. Теперь же король, что называется, вышел из игры, и ситуация в корне изменилась. Стойкая неприязнь, которую значительная часть англичан питала к герцогу Сомерсету, королеве Маргарите и другим участникам «придворной партии», делала их положение крайне затруднительным. В Палате Общин сторонники Ричарда Йорка составляли подавляющее большинство, под их давлением многие члены Королевского совета изменили свою позицию. В результате в 1453 г. Совет принял решение об аресте герцога Сомерсета, которого англичане считали главным виновником военных и политических неудач последних лет.

После того как Сомерсет был помещен в Тауэр, «придворная партия» оказалась обезглавленной. Среди сторонников Генриха VI не было никого, чье влияние было бы сопоставимо с политическим весом королевского фаворита. Единственным исключением являлась королева Маргарита. К 1453 г. Маргарита Анжуйская уже не была той шестнадцатилетней девочкой, которая прибыла в Англию, чтобы выйти замуж за человека, которого она никогда не видела. К этому времени королеве исполнилось 24 года, за восемь лет пребывания на престоле она приобрела недурной политической опыт, рождение наследника снимало с нее позорное клеймо бесплодия, и, наконец, с августа до ноября 1453 г. Маргарита и ее окружение полностью контролировали управление страной. Все знали, что королева умна, решительна и обладает поистине железной волей. То обстоятельство, что Маргарита возглавила клан Ланкастеров, казалось современникам естественным.

Однако королева пошла гораздо дальше после того как Совет поставил вопрос о регентстве, Маргарита Анжуйская заявила, что сама желает стать опекуном больного супруга. В принципе передача власти женщине не была невозможной: так, всего через семь лет после описанных событий вдова Джеймса II, короля Шотландии, стала регентшей при своем девятилетнем сыне. Тем не менее Королевский совет даже не стал рассматривать вопрос о регентстве Маргариты. Очевидно, дело было не в ее воле. По-видимому, сановники руководствовались двумя мотивами: прежде всего, Маргарита была не слишком популярна, к тому же, по понятиям XV в., недавно родившей женщине следовало не заниматься политикой, а заботиться о сыне и молиться о выздоровлении мужа; свою роль сыграло и растущее могущество герцога Йорка.

Именно Ричард Йорк в начале 1454 г. был назначен Парламентом Протектором и Защитником королевства. Его годовалый сын вряд ли понимал, кто такой протектор. И все же во время очередного визита герцога в замок Фотерингей Ричард не мог не увидеть, что отец и мать довольны. Зимой 1454 г. в Фотерингее веселились и праздновали. Ричард конечно же не мог полноценно участвовать в торжествах, но по вечерам его на несколько минут выводили в большую залу. В жизни мальчика это были самые яркие моменты.

Конечно, Ричард не так уж часто видел родителей. Большую часть времени герцог Йорк проводил в Лондоне. Став регентом, он не сделал ничего, что могло бы навредить интересам наследника престола, напротив, сын Маргариты Анжуйской Эдуард был торжественно провозглашен принцем Уэльским, и английское дворянство присягнуло ему на верность. Судя по действиям Ричарда Йорка, в 1454 г. он стремился к малому – занять то положение в обществе, которое принадлежало ему по праву рождения. Единственным значимым следствием регентства Йорка стало перераспределение придворных должностей, т. е. усиление политического и финансового влияния йоркистов. Сторонники Ланкастеров, наоборот, лишились возможности процветать за счет узаконенной коррупции.

Новый баланс сил был нарушен на Рождество 1454 г. – Генрих VI неожиданно пришел в себя. Вполне вероятно, что у сторонников Йорка это радостное для королевства событие вызвало чувство глубокого разочарования. По свидетельству современников, одним из первых действий короля стало признание принца Эдуарда, но даже это не положило конец сплетням, имевшим долгую историю и поистине общеевропейский резонанс. Так, в 1461 г. Проспер Камулио, посол Милана при французском дворе, воспроизвел эти слухи в письме к герцогу Милана Франческо Сфорца. Генрих VI якобы однажды сказал, что Эдуард, должно быть, родился от Святого Духа.

Как бы то ни было, регентство Ричарда Йорка закончилось. Выздоровевший король, разумеется, отменил все недавние назначения. Хлебных должностей лишились не только сторонники герцога Йорка – сам он также перестал получать приглашения на заседания Королевского совета. Более того, в мае 1454 г. «придворная партия» решила созвать Большой совет королевства, на котором Ричард Йорк должен был ответить за свои действия в период регентства. Логическим результатом работы этого совета стало бы решение об аресте герцога Йорка.

Узнав, что его вызывают на суд, Ричард Йорк вновь начал собирать войска. Чтобы как-то оправдать свои действия, он издал манифест – формально адресатом был Генрих VI, но копии документа были разосланы по всей стране. В этом документе герцог Йорк почтительнейше уверял короля в своей преданности и подчеркивал, что он хочет всего лишь устранить «дурных советников... которые пытаются лишить нас вашего благородного общества и вашей благосклонности; а упомянутая благосклонность является для нас единственной радостью и утешением». Недовольство «придворной партией» было так велико, что значительная часть англичан сочла аргументы Ричарда Йорка вполне справедливыми. Хронисты писали: «Из-за того, что король не сдержал свои прежние обещания удалить от себя герцога Сомерсета, но показывал к нему такую же любовь, как и до этого, влиятельные лорды, а также общины взволновались. По этой причине герцог Йорк, герцоги Уорвик и Солсбери со многими джентльменами и общинниками пришли для того, чтобы удалить означенного герцога Сомерсета и других от короля». Ответа на свое письмо Ричард Йорк так и не дождался. «Придворная партия» решила также прибегнуть к силе. К середине мая обе стороны были готовы к началу полномасштабных военных действий.

Первое сражение Войн Роз состоялось 21 мая 1455 г. на улицах маленького городка Сент-Олбанс, расположенного к северу от Лондона. Битва, больше напоминавшая уличную схватку, длилась не более получаса. Сторонники Генриха VI забаррикадировались на двух главных улицах городка. Йоркисты безуспешно пытались штурмовать баррикады, пока граф Уорвик не додумался провести солдат огородами и напасть на королевский отряд с флангов. Итогом этого обходного маневра стало паническое бегство сторонников короля. Триумф йоркистов стал еще более впечатляющим, когда выяснилось, что в сражении был убит ненавистный герцог Сомерсет.

Граф Уорвик, впоследствии прозванный Создателем Королей, бесспорно, стал героем дня; антигероем можно смело назвать Генриха VI. Перед началом битвы монарх приободрился и даже грозился «покарать изменников», но при первых же звуках сражения он полностью

утратил связь с реальностью. Генрих VI не просто не пытался никого «качать» – он неподвижно стоял под королевским знаменем и с благожелательным любопытством смотрел по сторонам. Король не сдвинулся с места, даже получив легкое ранение в шею. В конце концов, кто-то сурово завел монарха в ближайший дом, чтобы его ненароком не покалечили.

В тот момент младшему сыну герцога Йорка исполнилось два с половиной года. Скорее всего, новость о победе при Сент-Олбансе детям сообщили в торжественной обстановке. Ричарду, Джорджу и Маргарите позволили покинуть детскую и спуститься в большой зал, чтобы послушать, как читают и перечитывают письмо их отца. Конечно, Ричард не понял всего, но главное он должен был уяснить – его дорогой отец сразился с плохими людьми, лишившими его королевской милости, и победил. Теперь он станет влиятельнее и богаче, а в Фотерингее будут новые праздники.

Выиграв битву при Сент-Олбансе, Ричард Йорк занялся тем, ради чего и затевалось сражение – раздачей придворных должностей. Родственник и виднейший соратник герцога Йорка граф Уорик получил весьма доходный пост капитана Кале, другие тоже не были забыты. Собравшийся вскоре Парламент посмертно осудил герцога Сомерсета, всем остальным лордам «придворной партии» была объявлена амнистия. Поведение Генриха VI во время сражения исчерпывающе доказывало его недееспособность – король был передан под опеку своей жене.

Необходимость опеки над королем стала еще более очевидной осенью 1455 г., когда у Генриха VI случился второй приступ безумия – он снова впал в прострацию и перестал узнавать окружающих. С согласия Парламента Ричард Йорк был вновь назначен протектором королевства. На этот раз Генрих VI пришел в себя гораздо быстрее – в феврале 1456 г. ему стало заметно лучше. В данном случае имеет смысл говорить именно об улучшении, а не о выздоровлении, даже если принять за условную норму состояние до 1452 г. После второго приступа безумия Генрих VI стал еще более слабавольным, еще более управляемым, чем раньше. Несмотря на то что король совершал требуемые от него публичные жесты, например, появлялся в Парламенте, всем было ясно, что он утратил даже видимость самостоятельности. Генрих VI поминутно обращался к королеве и придворным, прося их «мудрого совета», и всеми силами уклонялся от принятия сколько-нибудь важных решений.

К 1456 г. именно Маргарита Анжуйская была истинной повелительницей Англии. Действуя от имени безумного супруга, Маргарита начала постепенно смещать с должностей сторонников Йорка. К концу сентября 1456 г. королева уже полностью контролировала правительство. Ричард Йорк был вынужден вновь удалиться в свои владения. Любопытно, что сам король, по-видимому, жаждал мира и пытался задобрить непокорного вассала – от имени Генриха VI герцогу Йорку был пожалован полный контроль над золотыми и серебряными рудниками в Девоне и Корнуолле на целых двадцать лет. Однако этим дарам не доставало последовательности. В марте 1457 г. по инициативе королевы Ричард Йорк опять был назначен вице-королем Ирландии. Напомним, что эта должность была равнозначна ссылке. Однако ситуация в стране уже вышла из-под контроля «придворной партии». Герцог Йорк попросту отказался уезжать, при этом заставить его отправиться в Ирландию или наказать было абсолютно невозможно.

Младший сын герцога Йорка мог знать об этих событиях только в самых общих чертах. Внутренние, домашние дела на тот момент были гораздо важнее непонятных политических новостей. В 1455 г. Сесилия Йорк родила своего последнего ребенка. Девочку назвали Урсулой, но малышка умерла, не достигнув двухлетнего возраста.

Сам Ричард, хотя и оставался слабым и болезненным, благополучно перешагнул в следующий возрастной рубеж. По обычаю того времени, в три-четыре года ребенок переставал считаться младенцем, т. е. нуждающимся только в физической заботе существом неопределенного рода, у него появлялся пол. Четко установленной даты этой перемены не было, все зависело от

физического развития ребенка. Поскольку Ричард не отличался крепким здоровьем, этот срок можно смело отодвинуть к четырем годам.

Итак, примерно в четыре года Ричард получил новую одежду, предназначенную именно для мальчиков. На взгляд современного человека, костюм был крайне неудобным и совершенно не подходил для ребенка. Ричарда облачили в рубашку, штаны, и, как ни странно, в длинное верхнее платье, застегивающееся спереди. Этот наряд чем-то напоминал профессорскую или судейскую мантию и явно не способствовал свободе движений. Однако в Средние века заботились не о комфорте, а о традициях. По мнению историков костюма, до середины XX в. детская одежда копировала наряды взрослых прошлых эпох. Мужчины носили длинно-полые одеяния до XIII столетия, мальчики – до XVIII в.

Разумеется, одеждой перемены не ограничились. Гораздо важнее было то, что у Ричарда появились именно мальчишеские игрушки. До 4 лет все дети играли в куклы, лошадки, игрушечные домики и т. п. После наступления этого знакового возраста мальчикам дарили первое игрушечное оружие, пока еще декоративный шлем, а иногда и кирасу. Кроме того, с четырех лет детей начинали допускать к играм взрослых. С этого времени маленький Ричард мог приступить к освоению одного из наиболее статусных развлечений Средневековья, считавшегося почти что искусством – его начали учить играть в шахматы. Не менее престижной считалась игра в мяч (средневековый аналог тенниса), но это развлечение подразумевало большие физические нагрузки, и слабый ребенок не мог добиться существенных успехов. Взрослыми также считались игры в прятки и жмурки, в слова и в «говорящие картины» (когда один из играющих пытался изобразить какое-то слово, а остальные отгадывали, что он имел в виду). Как только Ричард стал достаточно большим, чтобы сесть на пони, начались первые уроки верховой езды.

Выход из младенческого статуса открывал еще одну приятную возможность – свободу передвижения по замку. В Средние века с детьми не особенно церемонились, но, с другой стороны, их ниоткуда не прогоняли. Считалось, что ребенок все равно недостаточно разумен и не понимает истины того, что видит. При желании Ричард вполне мог стать свидетелем ссоры между слугами, пирушки солдат, да, собственно, любого события, которое происходило под сводами Фотерингея до заката солнца, когда ему следовало отправляться спать.

Замок Фотерингей, в котором Ричард появился на свет и провел детские годы, был довольно большим и гарантировал множество интересных открытий. Напомним, Фотерингей стоял на берегу реки Нен. С противоположной от реки стороны замок окружал двойной ров, через который был перекинут подъемный мост. В окружении мощных башен и стен располагались складские и хозяйственные помещения и, разумеется, жилое крыло, традиционно примыкающее к самой большой и лучше всего укрепленной башне – донжону.

Мы привыкли воспринимать замок как символ средневековой цивилизации, и даже для тех, кто знаком с историей периода, он неизменно ассоциируется с роскошью и комфортом. Между тем в XV столетии замки строились в первую очередь как оборонительные сооружения. По нынешним меркам, это было неудобное и нездоровое жилье. Прежде всего, отапливались далеко не все комнаты. Каминные горелки в главной зале, где ели и проводили большую часть дневного времени, в детской, а также в спальне хозяев. В остальных помещениях стояла почти уличная температура. Окна с тяжелыми свинцовыми переплетами были дорогим удовольствием, их ставили только в жилых покоях, но даже они не гарантировали отсутствие сквозняков. Полы уже не устилали соломой, как в XIII в., а выкладывали каменной плиткой, красивой, но очень холодной. Собственно, зимой в замке было тепло только в кресле перед камином, но и этот уютный образ следует слегка подкорректировать – кресла в XV в. вырезали из дерева, на сиденье клали мягкую подушку, но спинка оставалась довольно жесткой, а каминные зачистки дымили. Картину довершало почти полное отсутствие предметов интерьера.

Напомним, что на исходе Средневековья аристократы кочевали из манора¹² в манор. Сундуки с одеждой, ковры, занавеси, подсвечники, постельное белье и даже перины с подушками возили с собой. Когда родители Ричарда пребывали в замок Фотерингей, их сопровождал грандиозный обоз. После приезда вещи распаковывались, и на время пребывания хозяев замок приобретал жилой вид.

Вместе с герцогом и герцогиней Йоркскими в Фотерингей прибывали герольды, многочисленные слуги, менестрели, вооруженная охрана и дворяне, входившие в их свиту. Вероятно, почти каждый день Ричард и Сесилия Йорк принимали окрестных дворян, устраивались охоты, празднества, пиры и небольшие рыцарские турниры, вечерами перед гостями выступали жонглеры, акробаты и менестрели.

Скорее всего, приезд родителей для Ричарда, его брата Джорджа и сестры Маргариты был настоящим праздником. Однако максимум через пару месяцев герцог и герцогиня уезжали, чтобы навестить другие владения. Яркие гобелены и шторы, изящные кресла и дорогие безделушки исчезали, Фотерингей вновь становился пустым и почти безлюдным. Дети оставались с няньками, воспитателями и охраной. Большую часть дня они проводили в играх. Десятилетняя Маргарита, по меркам XV в., была почти взрослой девушкой. Ей следовало присматривать за младшими братьями, а также учиться шить, вышивать и контролировать хозяйство замка, что требовало немалых усилий. Джордж, который был на три года старше Ричарда, уже считался подростком. В семь лет его начали более серьезно обучать верховой езде и обращению с оружием. Возможно, начались также первые уроки грамоты. Ричард, как самый младший, был свободен от обязанностей, за исключением еды и сна. Его мир ограничивался замком Фотерингей, но и туда долетали тревожные известия о новых столкновениях сторонников Йорков и Ланкастеров.

В августе 1457 г. всю страну буквально потрясло известие о том, что французы высадились в Англии и сожгли город Сэндвич. Ужас ситуации заключался не только в самом факте нападения на один из важнейших портов королевства, в Лондоне фактически открыто говорили, что грабительский рейд был организован Маргаритой Анжуйской. Современники не находили этому другого объяснения, кроме дьявольского характера королевы, и весь Лондон распевал куплеты, в которых бранные выражения перемежались самыми дикими обвинениями. Например, говорили, что принц Эдуард даже не бастард, он подкидыш, в жилах которого нет ни капли королевской крови. В данном случае возмущение англичан было обоснованным – причиной нападений на Сэндвич стали политические ошибки королевы. Маргарита Анжуйская попыталась руками французов устранить слишком популярного и влиятельного лорда Уорвика, но ситуация вышла из-под контроля.

Дело в том, что Уорвик был единственным йоркистом, которого не коснулись кадровые перемещения 1456 г. Скорее всего, его пребывание на посту капитана Кале (т. е. вне Англии) устраивало королеву – это позволяло держать опасного противника подальше от двора. Однако вскоре «придворной партии» стало известно, что даже на континенте Уорвик продолжал активную политическую деятельность. Во время его интендантства Кале стал использоваться как база для сбора войск йоркистов. Чтобы избежать возможного вторжения, Маргарита обратилась за помощью к своему дяде – французскому королю Карлу VII. Властелин Франции откликнулся на удивление быстро – французам Уорвик мешал так же сильно, как династии Ланкастеров. Граф был талантливым полководцем, и его смелые рейды держали войска Карла VII в постоянном напряжении.

Итак, в ответ на просьбу Маргариты Анжуйской Карл VII приказал сформировать специальную эскадру под командованием известного полководца и друга королевы Пьера де Брезе. По иронии судьбы, французский флот сделал совсем не то, что от него требовалось. Не обна-

¹² *Манор* – английское название поместья.

ружив в Ла-Манше кораблей Уорвика, французы организовали грабительский рейд по побережью графства Кент. В результате «француженка Маргарита» стала еще более непопулярной, а йоркисты, ратовавшие за продолжение Столетней войны, набрали политические очки.

Для того чтобы понять действия королевы, необходимо принять во внимание следующее обстоятельство – политическое развитие регионов Европы на закате Средневековья было крайне неравномерным. Если в Англии, во многом благодаря Столетней войне, уже почти сформировалось представление о том, что такое нация и национальные интересы, семья Маргариты Анжуйской все еще жила в феодальной эпохе. Ее отец – Рене Анжуйский – обладал целым букетом нереализованных титулов и прав; при удачном стечении обстоятельств в его руках могли бы оказаться столь несхожие земли, как Лотарингия и Неаполитанское королевство. На деле Рене провел большую часть жизни в Провансе. В промежутках между попытками отвоевать очередное «принадлежащее ему по праву» графство или герцогство «король Рене» слушал песни трубадуров, участвовал в рыцарских турнирах и вряд ли вообще представлял, что у населения той же Лотарингии могут быть какие-то свои интересы, свой взгляд на политику.

Для англичан Маргарита Анжуйская всегда оставалась иностранкой именно потому, что не учитывала специфики страны, которой ей довелось управлять. В борьбе с политическими противниками королева прибегала к традиционным для средневековой монархии методам – заключению союзов с другими державами, помощи родственников и т. п. Маргарита не желала видеть, что в Англии XV в. общественное мнение превратилось в силу, с которой нельзя было не считаться.

После грабительского рейда Пьера де Брезе Уорвик превратился в национального героя – в ответ на разграбление Сэндвича граф открыл военные действия на море и нанес французам несколько чувствительных поражений. Маргарита оказалась вынуждена назначить Уорвика адмиралом Англии, но в качестве своеобразной компенсации отобрала у него пост капитана Кале. Вернее, королева издала указ о лишении лорда Уорвика этой должности, но сил на исполнение решения у «придворной партии» попросту не хватило. Уорвик во всеуслышание заявил, что получил пост капитана Кале от Парламента, а значит, только Парламент может забрать его обратно. Поскольку в Парламенте большинство составляли сторонники Уорвика, королеве не оставалось ничего другого, как проглотить это оскорбление. Приказ о смещении Уорвика не был отменен, но и попыток силой сместить непокорного лорда королева не предпринимала. Тем временем обстановка в Англии становилась все более напряженной, почти во всех графствах начались убоицы, грозившие перерасти в локальные войны. Например, на Севере королевства кланы Невилей и Перси открыто сражались за спорные земли.

Генрих VI конечно же всеми силами стремился восстановить мир, но его усилия не давали заметных результатов. Так, в начале 1458 г. по настоянию короля между лидерами Йоркистов и сторонниками Ланкастеров были начаты переговоры. Казалось бы благая затея вылилась в фарс – такие вопросы, как перераспределение придворных должностей, урегулирование земельных конфликтов и роспуск вооруженных отрядов, вообще не обсуждались. Генрих VI повел речь о необходимости личного примирения лордов. Под давлением короля Йорк, Уорвик и Солсбери согласились построить часовню в честь павших в битве при Сент-Олбансе, а также выплатить денежные компенсации наследникам Сомерсета и других лордов «придворной партии», убитых в этом сражении. Нужно было обладать наивностью Генриха VI, помноженной на душевное расстройство, чтобы поверить, будто на этом конфликт исчерпан.

25 марта соглашение было скреплено впечатляющей религиозной церемонией. Через центр Лондона в собор Святого Павла проследовала пешая процессия «бывших» врагов. По свидетельству современников, Генрих VI выглядел абсолютно счастливым. За королем шествовала пара поистине курьезная – Ричард Йорк и Маргарита Анжуйская. Как и прочие участники церемонии, Йорк с королевой трогательно держались за руки и вымученно улыбались. Перед

алтарем все торжественно поклялись забыть прошлые разногласия и стать добрыми друзьями. Народ восторженно приветствовал «восстановление доброго согласия». Конечно, для людей XV в. даже вынужденная клятва не была пустым звуком, однако церемония в соборе Святого Павла никоим образом не решала главную проблему: кто – Ричард или Маргарита – будет управлять Англией от имени Генриха VI или даже вместо него.

Более мелкие конфликты также не были разрешены. Уорвик вернулся в Кале несмотря на то, что формально его должность уже более полугода занимал герцог Сомерсет. Фактически Кале превратился в независимую от правительства базу йоркистов. В мае 1458 г. Уорвику удалось нанести поражение соединенному франко-кастильскому флоту, что превратило его в настоящего национального героя. Раздражение королевы было так велико, что в ноябре 1458 г. на Уорвика было совершено покушение. Попытка не удалась, но еще более обострила непростую политическую ситуацию.

В этот момент Ричарду было шесть лет. Он уже гораздо лучше понимал, что происходит в Англии. Взрослые, не стесняясь, говорили при нем о политике. Скорее всего, Ричард сочувствовал неудачам отца и учился ненавидеть его противников. Мальчик жил в жестокое время. В XV столетии было принято молиться не только о здоровье и благополучии своих родных, но и об унижениях и несчастьях врагов. Возможно, и Ричард обращался к небу с похожими просьбами.

Глава 4. Дитя войны (1459–1461)

Весной 1459 г., когда Ричарду было шесть с половиной лет, и йоркисты, и сторонники Ланкастеров начали открыто собирать войска. Любопытно, что обе стороны почти открыто говорили о необходимости смещения Генриха VI. Маргарита Анжуйская надеялась убедить короля отречься от престола в пользу сына и стать регентшей. Ричард Йорк планировал заявить о своих правах на корону и занять трон «по праву наследования».

На этот раз борьба за власть повлияла на жизнь маленького Ричарда самым непосредственным образом. Намерения йоркистов и сторонников династии Ланкастеров были настолько серьезными, что Ричард Йорк не решился оставлять своих младших детей в замке Фотерингей, который охраняло всего несколько десятков солдат.

Весной 1459 г. Ричард и Джордж в сопровождении сильной охраны были переправлены в прекрасно укрепленный замок Ладлоу в Шропшире вблизи границы с Уэльсом. По-видимому, только в Ладлоу Ричард как следует познакомился со своими старшими братьями – семнадцатилетним Эдуардом графом Марчем (будущим королем Эдуардом IV) и шестнадцатилетним Эдмундом. Оба они уже были опоясанными рыцарями и считались даже не юношами, а молодыми мужчинами. До этого момента Ричард, скорее всего, знал братьев только понаслышке, во всяком случае, документальных подтверждений того, что он видел Эдуарда и Эдмунда до 1459 г. не существует.

На современный взгляд ситуация кажется довольно дикой, однако в Средние века в ней не было ничего необычного. Родители и дети или старшие и младшие братья могли не встречаться годами. Они конечно же состояли в переписке; в каждом письме дети через воспитателей просили «дать им ежедневное благословение, которое составляет их единственную радость и утешение». Родители, разумеется, удовлетворяли их просьбу, осведомлялись о здоровье и материальном благополучии, но этим дело, как правило, и заканчивалось. В Средние века полагали, что истинная привязанность может существовать только между взрослыми людьми, поэтому родители нередко начинали нормально общаться с детьми только после их совершеннолетия.

Итак, в Ладлоу Ричард познакомился со старшими братьями и сам подошел к знаковому для средневекового ребенка возрасту – семи годам. После семи лет ребенок уже воспринимался как взрослый с некоторыми физическими ограничениями, которые не позволяют ему вести полноценную жизнь. В семь лет Ричард получил одежду, мало чем отличающуюся от костюмов его отца и братьев, а также право участвовать во всех играх и развлечениях взрослых, которые были ему по силам. Тогда же должно было начаться обучение рыцарским доблестям, чтению и письму. Вполне вероятно, что к изучению указанных предметов Ричард приступил несколько позже. События развивались так стремительно, что у герцога и герцогини Йоркских вряд ли оставалось достаточно времени, чтобы заниматься делами младшего сына.

Шли последние приготовления к войне. Королева рассылала по стране приказы об аресте йоркистов. В том числе был выписан ордер на арест Ричарда Невиля, второго графа Солсбери, который во главе целой армии двигался на соединение с войсками Ричарда Йорка в Ладлоу. 23 сентября 1459 г., т. е. буквально за неделю до того, как маленький Ричард должен был отпраздновать свой седьмой день рождения, один из соратников королевы Маргариты – лорд Одли – попытался воспрепятствовать продвижению сил Солсбери и взять непокорного графа под стражу. Однако в сражении при Блор-Хите его войско было разгромлено, а Солсбери благополучно достиг резиденции Ричарда Йорка.

Младший сын герцога радовался и праздновал победу вместе со всеми. Несколько дней спустя в Ладлоу из Кале прибыл знаменитый Уорвик. Маленький Ричард, скорее всего, уже немало слышал о могущественном союзнике своего отца; теперь он мог увидеть лорда Уорвика

своими глазами. В эти дни взрослые были очень заняты, дни Ричарда также стали куда более насыщенными. Из тихого Фотерингея он попал в место, где жизнь буквально кипела. Почти каждый день прибывали новые отряды. Можно было знакомиться с новыми людьми, смотреть, как простые наемники тренируются стрелять из лука, а рыцари совершенствуют навыки конного и пешего боя. Можно было слушать разговоры солдат и воинственные песни менестрелей. Наконец, можно было попытаться проникнуть в комнату, где герцог Йорк и его приближенные держали военный совет.

Совещания действительно устраивались нередко, ведь, несмотря на подкрепления, в распоряжении Ричарда Йорка оказалось гораздо меньше войск, чем у сторонников Ланкастеров. Возможно, рыцари и джентри сочли выступление йоркистов недостаточно мотивированным, а может быть, они просто выжидали, чтобы присоединиться к победившей стороне. Эта война вовсе не была битвой за идею, речь всегда и при всех обстоятельствах шла только о перераспределении власти и вытекающих из этого материальных выгодах. Неудивительно, что, узнав о существенном численном преимуществе королевских войск, многие йоркисты предпочли, не привлекая лишнего внимания, разойтись по домам. К тому же в начале октября королева издала прокламацию, в которой обещалось помилование всем, кто сложит оружие.

12 октября королевские войска подошли к Ладлоу. В ночь накануне сражения из лагеря йоркистов началось просто-таки повальное бегство. Одним из предателей стал Эндрю Треллоп – капитан гарнизона Кале, – прекрасно осведомленный обо всех планах Ричарда Йорка. После ночного совещания Йорк, его взрослые сыновья, Уорвик и Солсбери приняли решение бежать. Еще до рассвета они покинули Ладлоу. Ричард Йорк и его сын Эдмунд отправились в Ирландию, Солсбери, Уорвик и Эдуард Йорк вернулись в Кале. Оставшаяся без предводителей армия попросту разбежалась.

Наутро королевские войска вошли в никем не охраняемый городок Ладлоу. Там они обнаружили герцогиню Сесилию Йорк и ее младших сыновей – семилетнего Ричарда и десятилетнего Джорджа. В «Хронике царствования... Генриха VI» говорится, что «с благородной герцогиней обошлись грубо и бесчеловечно». По всей видимости, это означает, с Сесилией Йорк и ее детьми поступили как с обычными пленниками, т. е. без всяких церемоний погрузили на повозку и отправили в военный лагерь Ланкастеров. Вероятно, семье Ричарда Йорка пришлось сносить насмешки, но речь никак не может идти о связывании или ином физическом воздействии – по отношению к благородной даме или маленьким детям это было бы чем-то немыслимым. Собственно, герцог Йорк мог решиться оставить жену и детей в Ладлоу только потому, что им не грозила никакая серьезная опасность.

Тем не менее можно с полной уверенностью утверждать, что семилетний Ричард получил серьезную моральную травму. Отец, братья и даже большинство слуг бежали, оставив его на милость врагов в охваченном паникой городе. Маленький Ричард должен был видеть, как оскорбляют его мать, как солдаты врываются в дома, убивают мужчин и прямо на улицах насиловали женщин. По свидетельству современников, «Ладлоу был разграблен так, что остались только голые стены».

Через пару дней семью герцога Йорка препроводили в Ковентри, где собрался «Парламент», делегаты которого фактически не выбирались, а назначались из числа сторонников Ланкастеров. Герцогиня Йорк и ее младшие дети оказались пленниками, точнее заложниками королевы. Семилетний Ричард не мог не узнать, что решением Парламента его отец, старшие братья, граф Уорвик и другие видные йоркисты признаны виновными в государственной измене и приговорены к смерти. Ему также стало известно, что все земли, принадлежавшие роду Йорков, конфискованы в пользу короны. Генрих VI милостиво выделил герцогине Йоркской ежегодную пенсию в 1000 марок, на которую ей надлежало жить и воспитывать младших сыновей. По сравнению с прошлой роскошью это была нищета.

Рассуждать о справедливости или несправедливости этой кары в данном случае было бы совершенно неуместно. Как любой ребенок, Ричард, скорее всего, безоговорочно принял сторону своего отца. Мальчик, очевидно не разбирающийся в политических хитросплетениях, мог воспринимать эти события только как жестокий удар судьбы. Полное отсутствие данных не позволяет судить о том, насколько стойко герцогиня и ее дети переживали свалившееся на них несчастье. Впрочем, молчание источников дает основание предполагать, что семья Ричарда Йорка вела себя достойно, проявляя приличествующую случаю сдержанность в выражении эмоций.

До середины декабря Сесилия Йорк и ее дети содержались в замке Вигмор. Их заключение вовсе не было ужасным. Во времена Войн Роз благородным узникам не грозили ни сырые казематы, ни, тем более, пытки и оковы. Разумеется, герцогиня и ее младшие отпрыски были лишены свободы передвижения, однако в распоряжении семьи было несколько слуг, они питались не роскошно, но сытно и испытывали скорее психологический, чем физический дискомфорт.

Незадолго до Рождества 1459 г. в судьбе Ричарда наметился благотворный перелом – Сесилию Йорк вместе с детьми передали под опеку ее собственной сестры герцогини Бэкингем. Бэкингем был сторонником Ланкастеров, неудивительно, что в его владениях семью Ричарда Йорка приняли очень холодно. Тем не менее Сесилия и ее сыновья пользовались почти полной свободой и вели образ жизни, соответствующий их статусу. Неизмеримо больше, чем недружелюбный прием родных Ричарда Йорка, должно было беспокоить полное отсутствие вестей о судьбе главы семьи, Эдмунде и Эдуарде.

На самом деле причин для волнений не было. Ричард Йорк и его сын Эдмунд благополучно достигли Ирландии, где их встретили едва ли не с восторгом. Королевские приказы, предписывавшие арестовать Ричарда Йорка, до Ирландии доходили, но толку от них не было никакого; напротив, к мятежному магнату отовсюду стекались войска. Более того, дублинский Парламент официально провозгласил герцога Йорка вице-королем Ирландии. Старший брат Ричарда – Эдуард Марч также находился в полной безопасности. Вместе с Уорвиком и Солсбери он высадился в Кале, гарнизон которого был полностью на стороне йоркистов.

В начале 1460 г. герцогиня Сесилия, Ричард и Джордж получили утешительные известия о судьбе герцога Йорка и его старших сыновей. Из Кале стали регулярно приходить письма от Эдуарда Марча. Вероятно, в одном из ответных посланий герцогиня сообщила, что в доме Бэкингема ей и детям не слишком рады. Изменить место содержания Сесилии Йорк сторонники ее мужа не смогли, но для сыновей было сделано послабление. Зимой 1460 г. Ричард и Джордж перебрались в дом дальнего родственника Йорков архиепископа Кентерберийского. Судя по всему, в доме епископа мальчикам жилось весьма неплохо – им были рады и, что немаловажно, они чувствовали себя в полной безопасности. Единственным негативным следствием их переселения было то, что в замке высокоученого клирика Ричарда и Джорджа, скорее всего, засадили за книги. По-видимому, именно там семилетний Ричард начал учиться читать и писать.

Тем временем йоркисты снова начали одерживать победы. Лорду Уорвику удалось почти полностью потопить флот Ланкастеров – теперь морской путь для возвращения в Англию был свободен. Весной 1460 г. был согласован план одновременной высадки десанта Уорвика на западном побережье Англии и вторжения войск йоркистов из Ирландии. Как ни странно, Ланкастеры даже не готовились к отражению возможной атаки. Вероятнее всего, причиной плохого командования была банальная неопытность королевы Маргариты в военном деле.

26 июня 1460 г. герцог Йорк, Уорвик, Солсбери и Эдуард Марч высадились в Сэндвиче. Под их командованием было всего около 2000 солдат, но, по мере продвижения по территории Англии, силы йоркистов росли как снежный ком. Для того чтобы оправдать свои действия, сторонники Ричарда Йорка издали манифест, провозглашавший, что ими движет исключительно

забота о благе короля и королевства. «Придворная партия» обвинялась во всех мыслимых и немыслимых преступлениях: притеснении церкви, растрате королевского имущества, попрании законов Англии, но, самое главное, в «позорной потере и продаже земель во Франции и Нормандии, Анжу и Мене, Гаскони и Гиени», а также в союзе с «извечными врагами и противниками англичан – французами».

На этот раз Англия была на стороне йоркистов. Слабость правительства Маргариты Анжуйской, союз королевы с французами, коррупция органов местного управления и королевской администрации, экономический кризис, наконец, душевная болезнь Генриха VI – все эти факторы заставляли видеть в Йорке и Уорвике едва ли не спасителей Англии. 2 июля войска под командованием Уорвика и Эдуарда Марча с триумфом вступили в Лондон – горожане сами открыли им ворота. Лондонцы пошли еще дальше – они осадили Тауэр, в котором укрылись немногочисленные приверженцы Ланкастеров. Оставив часть войск помогать горожанам в этом благом деле, йоркисты двинулись на северо-восток, чтобы сразиться с королевской армией.

10 июля 1460 г. лорд Уорвик и Эдуард Марч одержали блестящую победу в битве при Нортгемптоне. Командующий королевскими войсками – герцог Бэкингем (тот самый, в имени которого все еще находилась под домашним арестом Сесилия Йорк) был убит, находившийся при войске Генрих VI попал в плен. Сражение при Нортгемптоне фактически открыло новый этап Войн Роз. Перед началом боя Уорвик приказал убивать только лордов и рыцарей; простых солдат, не виновных в начале этой войны, следовало щадить. Это распоряжение как нельзя лучше показывало – прекрасная эпоха рыцарства осталась в прошлом. Война больше не была галантным развлечением благородных воителей, в котором солдаты исполняли роль статистов. «Партии» Йорков и Ланкастеров сражались за вещи, которые сложно назвать возвышенными – за земли и придворные должности. Их борьбу даже сложно назвать соперничеством – это была настоящая грызня за власть.

Главным трофеем, который достался йоркистам в результате битвы при Нортгемптоне конечно же был Генрих VI. Несмотря на очевидную неадекватность, последний король из династии Ланкастеров оставался главой государства. От имени безумного монарха йоркисты провели очередное перераспределение должностей.

Победа Уорвика и Эдуарда Марча не могла не сказаться и на судьбе Ричарда. В начале сентября, когда стало ясно, что положение сторонников герцога Йорка не вызывает опасений, Ричард и Джордж покинули дом епископа Кентерберийского и вновь увиделись со своей матерью. Не позднее 15 сентября 1460 г. Сесилия, Джордж, Ричард и их сестра Маргарита прибыли в Лондон. Они нашли приют в особняке норфолкского дворянина Джона Пастона.

Жизнь в Лондоне не могла не стать для Ричарда настоящим открытием. Дом Пастонов мало походил на уединенные замки герцога Йорка. Конечно же, как любая дворянская усадьба XV в., особняк Пастонов был окружен солидной каменной оградой, за которой скрывались жилое крыло, множество служб (в т. ч. конюшни, зернохранилища, пекарня, кладовые) и даже маленький садик.

Однако для юного Ричарда гораздо более интересным местом должен был казаться небольшой причал, с которого открывался прекрасный вид на запруженную кораблями и лодками Темзу. Дом Пастонов располагался в одном из самых оживленных мест – на южном берегу реки как раз напротив Тауэра. Сохранилась гравюра 1616 г., изображающая вид на Темзу. Полстолетия для средневекового города – очень немного. Запечатленный Клаасом Виссером пейзаж должен почти полностью соответствовать тому, что видел маленький Ричард. Несомненно, Ричард побывал и на улицах столицы. Понравился ли ему шумный и многолюдный город, неизвестно.

Следующим важным событием для Ричарда стал отъезд матери. В семейном архиве Пастонов сохранился документ, из которого мы знаем, что «герцогиня Йоркская не прожила в

этом доме и двух дней, когда она получила весть о высадке моего лорда Йорка в Честере. И уже в следующий вторник мой лорд послал за ней, дабы она приехала к нему в Херифорд, что она и сделала». Ричард, Джордж и Маргарита остались в доме Пастона в Лондоне, но на этот раз не одни, тот же документ сообщает, что «лорд Марч приходил навестить их каждый день». Вероятно, превратности войны только укрепили отношения в семье герцога Йорка, во всяком случае, семнадцатилетний Эдуард считал себя обязанным ежедневно навещать младших братьев и сестру, хотя он вполне мог ограничиться одним-двумя визитами вежливости.

10 октября состоялась долгожданная радостная встреча – Ричард Йорк и старший брат Ричарда Эдмунд герцог Рутленд торжественно въехали в столицу. Эта церемония была организована с размахом и ясно говорила о том, что герцог Йорк решил предъявить права на престол – знамена и флажки на трубах солдат герцога были украшены государственным гербом Англии. Поприветствовав чиновников, которые по обычаю вышли встречать почетного гостя за воротами столицы, Ричард Йорк направился в Вестминстер. Лондонская хроника отмечает, что «перед герцогом Йорком несли его меч... Он вошел в королевский дворец, где также пребывал король, и прошел в палату, где заседал Парламент; там герцог коснулся трона, и потребовал его себе по праву наследования». Восемилетний Ричард должен был узнать об этом в тот же день. Скорее всего, он мысленно одобрил действия своего отца, ведь быть сыном короля куда почетнее и приятнее, чем сыном герцога.

Еще раз подчеркнем, Ричард Йорк действительно имел право на корону. Если рассматривать вопрос с формальной точки зрения, его род был старше королевского. И Ричард Йорк, и Генрих VI возводили свою родословную к королю Эдуарду III (1312–1327—1377). Генрих VI был правнуком третьего сына короля Эдуарда. Ричард Йорк по линии отца вел свой род от Эдмунда Йорка, четвертого сына Эдуарда III, зато по линии матери он происходил от Лайонела герцога Кларенса, второго выжившего сына короля Эдуарда. Поскольку английские законы не запрещали передачу трона по женской линии, чисто теоретически Ричард Йорк был прав. Однако для современников ситуация выглядела иначе. Дерзкое заявление герцога Йорка нарушало сложившийся порядок вещей. Кроме того, требуя передать ему корону, Ричард Йорк посягал на авторитет отца Генриха VI – «великого короля-завоевателя» Генриха V. По выражению лондонского хрониста, лорды «пришли в смятение». Даже верный сторонник Йорка граф Уорвик посоветовал тому не торопить события.

И все же игнорировать претензии герцога Йорка было невозможно. Примерно три недели шли обсуждения и согласования. В конце концов Королевский совет с одобрения Парламента решил: Генрих VI должен сохранить трон до конца жизни; Ричард Йорк объявлялся протектором королевства и наследником престола. Права сына Маргариты Анжуйской принца Эдуарда Ланкастера попросту игнорировались. Думается, не последнюю роль в выработке этого компромисса сыграли сомнения законности происхождения принца Эдуарда. Генрих VI безропотно подписал документ, лишивший его сына короны. О его побудительных мотивах можно только догадываться; по свидетельству современников, король не был настолько болен, чтобы вообще не осознавать происходящее. Остаются два варианта. Возможно, Генрих VI желал любой ценой остановить кровопролитие, а может быть, он имел основания полагать, что Эдуард Ланкастер не имеет прав на корону Англии.

Итак, внешне победа осталась за йоркистами, тем не менее до окончания конфликта было еще очень далеко. С решением Парламента не согласились ни сторонники Ланкастеров, составлявшие почти половину английского дворянства, ни королева Маргарита. В тот момент Маргарита Анжуйская находилась в Шотландии, где ценой территориальных уступок пыталась получить жизненно необходимую военную помощь. Лорды «придворной партии» тоже не бездействовали – их войска собирались в Йоркшире.

9 декабря во главе сравнительно небольшого отряда навстречу армии Ланкастеров выступили Ричард Йорк, его сын Эдмунд и граф Солсбери. В тот же день Лондон покинул Эдуард

Марч – он направился подавлять восстание в Уэльсе, которое подняли сводные братья Генриха VI – Эдмунд и Джаспер Тюдоры. Поддержание порядка в столице легло на плечи графа Уорвика. Под защитой лондонских стен остались также Сесилия Йорк, восьмилетний Ричард, Джордж и Маргарита.

К 20-м числам декабря Ричард Йорк достиг замка Сандал и начал собирать войска. По подсчетам историков, под командованием Ричарда Йорка было от 6000 до 8000 тысяч человек, войско его противников превосходило силы йоркистов более чем в два раза, в нем было около 18 000 солдат. Однако 30 декабря 1460 г., не дождавшись подхода подкрепления, Ричард Йорк неожиданно вышел из замка и принял бой. К сожалению, сохранившиеся источники не дают возможности объяснить этот поступок. По наиболее распространенной версии, герцог Йорк сделал вылазку, чтобы помочь подходившему к замку отряду своих сторонников, но недооценил силы осаждавших. Итог военной авантюры герцога был ужасен – его армия попала в клещи и была полностью разгромлена. В битве при Уэйкфилде погибло более 2000 йоркистов, в том числе сам Ричард Йорк и его восемнадцатилетний сын Эдмунд.

Как и йоркисты, воины королевы Маргариты отпускали простолюдинов и казнили знатных пленников. Большинство захваченных в плен дворян обезглавили сразу же после сражения, остальных умертвили на следующий день. Взаимное ожесточение лордов достигло такого накала, что даже трупы вождей йоркистов подверглись поруганию. Головы Ричарда Йорка, его сына Эдмунда и графа Солсбери были прибиты над воротами города Йорка. На чело герцога Йорка в насмешку водрузили корону из золоченой бумаги.

Известие о гибели отца восьмилетний Ричард получил 5 января 1461 г. Его положение снова круто изменилось – из сына протектора и наследника престола Ричард превратился в сироту, судьбу которого должны были определить новые сражения. Разумеется, образ мыслей человека XV столетия довольно сильно отличался от современного. И все же, мы вполне можем представить, что почувствовал маленький Ричард, когда узнал, что головы его отца и брата красуются на воротах Йорка, а в самом городе вернувшаяся из Шотландии королева пышно празднует победу.

После смерти герцога Йорка главой оппозиционеров стал граф Уорвик. Он немедленно начал собирать новую армию. Тем временем войска королевы Маргариты двигались к столице. Значительную часть воинов составляли выходцы из северных графств и Шотландии. По-видимому, Маргарита Анжуйская решила запугать своих противников – солдаты получили указание грабить все, что подвернется под руку. Этот приказ был выполнен с исключительным энтузиазмом – широкая полоса вдоль маршрута армии Ланкастеров оказалась полностью разгромленной, разорению подверглись даже церкви, из которых выносили деньги, церковную утварь и даже одеяния священников. Убийства клириков также не были редкостью.

В десятых числах февраля в Лондон неожиданно пришли хорошие новости – старшему брату Ричарда – Эдуарду Марчу удалось предотвратить соединение отрядов, собранных в Уэльсе Оуэном и Джаспером Тюдорами с основной армией Ланкастеров. В сражении у Мортимер-Кросс 10 февраля 1461 г. войска Тюдоров потерпели сокрушительное поражение. Тем не менее до полного разгрома Ланкастеров было еще далеко. Армия королевы Маргариты продолжала двигаться к Лондону; войско Эдуарда Марча следовало за силами Ланкастеров, отставая на несколько дней пути. Вероятно, маленький Ричард с волнением ждал вестей о том, что его любимый брат настиг ненавистную королеву и отомстил за смерть их отца. К сожалению, мальчику было суждено услышать совсем другие новости.

17 февраля вблизи местечка Сент-Олбанс, чуть севернее Лондона, армия королевы столкнулась с небольшим отрядом Уорвика, который выдвинулся навстречу войску Эдуарда Марча. Для Маргариты Анжуйской это была редкая удача – при войске Уорвика находился Генрих VI. После короткого сражения силы йоркистов были разгромлены. Уорвику удалось бежать, а Генрих в качестве живого трофея перекочевал в руки своей супруги. Воссоединение

королевского семейства не обошлось без курьеза. Во время битвы йоркисты выпустили Генриха VI из поля зрения. Поначалу все подумали, что король бежал, но вскоре разосланные во все стороны отряды Ланкастеров обнаружили Генриха в миле от места сражения. Напуганный шумом битвы, правитель Англии взобрался на дерево, он смеялся и разговаривал сам с собой. Спустить венценосца на землю стоило немалых трудов.

В каком бы состоянии ни находился король, «обладание» его персоной давало немалые выгоды. Заполучив Генриха, Маргарита Анжуйская смогла официально действовать от имени короны. После второй битвы при Сент-Олбансе армия Ланкастеров продолжила движение на Лондон. Однако войти в столицу не удалось. Рассказы о чудовищном мародерстве армии королевы посеяли в городе настоящую панику. По возможности спрятав все ценное и вооружившись, горожане постановили не открывать ворота.

Разумеется, герцогиня Йорк не надеялась, что лондонцы будут защищаться до последней капли крови. Штурм королевских войск или затяжная осада вполне могли заставить горожан изменить свое решение. Поскольку уровень жестокости постоянно нарастал, Сесилия Йорк решила, что младшим сыновьям будет безопаснее вдали от нее. Как только по столице разнеслась весть о подходе армии Маргариты Анжуйской, маленькие Ричард и Джордж были отосланы в дом некоей Алисы Мартин.

Об этой женщине историки знают удивительно мало. Известно, что к 1460 г. она была вдовой и что дом ее располагался где-то на окраине Лондона. Единственный документ, проливающий свет на эту страницу жизни Ричарда, – это дарственная грамота, подписанная королем Эдуардом IV в 1461 г. В ней указано, что Алиса Мартин получила 100 шиллингов за то, что «хранила и оберегала наших горячо любимых родственников герцогов Кларенса и Глостера [Джорджа и Ричарда] от опасности».

Однако дом госпожи Мартин стал для Ричарда лишь временным прибежищем. Как только представилась возможность, мальчики были посажены на корабль, который спустился вниз по Темзе и направился в Бургундию. Это было их первое путешествие за границу, но, скорее всего, отъезд из Лондона не оставил приятных воспоминаний. В сопровождении нескольких слуг и единственного доверенного лица – сквайра Джона Скелтона – Ричард и Джордж отправлялись в изгнание, так как были слишком малы для того, чтобы сражаться.

Выбор Бургундского герцогства был мудрым решением. В середине XV столетия Бургундия включала в себя не только собственно герцогство и графство Бургундские, но и многие другие территории – Шароле, Невер, Брабант, Артуа, Геннгау, Пикардию, герцогство Люксембург и т. д. Номинально герцоги Бургундии считались вассалами короля Франции, но главной целью их политики в XIV–XV вв. было стремление избавиться от этой зависимости и самим сделаться королями. Современникам эта мечта вовсе не казалась недостижимой, Бургундия была богатой, процветающей страной. Филипп де Коммин отмечал, что земли Бургундии «имели больше права называться землей обетованной, чем какие-то другие в мире. Они упивались богатством и покоем... И мужчины и женщины тратили значительные суммы на одежду и предметы роскоши; обеды и пиры задавались самые большие и расточительные, какие я только видел... Подданным этого дома казалось, что ни один король... не сумеет взять власть над ними».

До тех пор пока Англия и Франция враждовали, правители Бургундии были естественными союзниками английских королей – все, что ослабляло Францию, в конечном итоге способствовало движению Бургундии к независимости. Однако в начинающихся Войнах Роз Англия разделилась. Если рассматривать вопрос с династической точки зрения, бургундским герцогам следовало бы принять сторону Ланкастеров, с которыми их связывали родственные отношения (супруга правителя Бургундии Филиппа Доброго была внучкой Джона Гонта, родоначальника дома Ланкастеров). Но в данном случае главную роль играли не династические, а политические мотивы. В борьбе с Йорками Маргарита Анжуйская активно пользовалась помо-

щью французского короля. Намечающийся англо-французский союз не оставил Филиппу Доброму (1396–1467) иного выбора, кроме поддержки йоркистов.

Впрочем, поначалу эта поддержка была очень осторожной. Ричарду и Джорджу предоставили неофициальное убежище в Утрехте. Их дальнейшая судьба зависела от того, кто одержит победу в борьбе за английскую корону. Первое время Ричард и Джордж фигурировали в бургундских документах всего лишь как «сироты знатного дома». Ситуация изменилась примерно через полтора месяца. В первые дни апреля 1461 г. до владений Филиппа Доброго дошли известия о новых победах Эдуарда Марча и его коронации под именем Эдуарда IV. Восьмилетний Ричард торжествовал – Эдуард не просто отомстил за отца, он вырвал корону у династии Ланкастеров. Теперь будущее самого Ричарда было обеспечено.

Положение дел в Англии действительно изменилось быстро и кардинально. Напомним, что лондонцы не захотели впустить в город армию Маргариты Анжуйской. Не пожелав вступить в открытый конфликт с Ланкастерами, власти столицы начали длительные переговоры. Через несколько дней к стенам столицы с другой стороны подошли войска Эдуарда Марча и... им позволили войти в город. Более того, 3 марта 1461 г. депутация лордов и горожан торжественно попросила Эдуарда принять королевскую корону. Тот конечно же согласился, и уже 4 марта состоялась наспех организованная церемония коронации.

Причины народной любви к Эдуарду IV вполне очевидны. Прежде всего, это непопулярность Ланкастеров – Генрих VI был неспособен к разумной деятельности, а его жена, по мнению большинства англичан, не раз предавала государственные интересы в угоду фаворитам и своим иностранным родственникам. Бесчинства армии Маргариты Анжуйской окончательно подорвали ее репутацию. Нельзя сбрасывать со счетов и сомнения в законности рождения сына Маргариты – принца Эдуарда Ланкастера. Вторым фактором, способствовавшим успеху Эдуарда IV, было то, что йоркисты блестяще использовали популистские лозунги – продолжение войны во Франции, наказание продажных чиновников и т. д. Наконец, внешность и поведение девятнадцатилетнего Эдуарда Марча как нельзя лучше вписывались в идеал эпохи – «он был юн и прекрасен, как никто другой в его время», отличался высоким ростом, физической силой, рыцарственностью, любил блестящие празднества и пользовался огромным успехом у женщин, к тому же был прост и сердечен в обращении. В эпоху звучных девизов Эдуард выбрал для себя слова «Удовольствие и комфорт», что вовсе не мешало его успехам в сражениях. Эдуарда IV Марч был, что называется, баловнем судьбы, его молодость и оптимизм ярко оттеняли мрачную, отчаянную решимость Маргариты Анжуйской и меланхолию Генриха VI.

Сразу же после коронации Эдуард IV покинул Лондон, чтобы в битве утвердить свое право на престол. Армия королевы отошла на Север, надеясь получить подкрепление из приграничных графств. Решающее сражение состоялось 29 марта 1461 г. близ Таутона. Это была одна из самых кровавых битв в истории Англии. Сеча оказалась настолько жестокой, что передним рядам приходилось время от времени останавливаться, чтобы расчистить завалы из трупов. В итоге с обеих сторон погибло более 20 000 человек. Несмотря на ужасную погоду (над Таутоном разыгралась настоящая снежная буря), Эдуард IV спешил и лично повел своих воинов в атаку. Армия Ланкастеров была разбита, многие вожди «придворной партии» остались на поле боя, другие были взяты в плен и почти сразу же казнены. Королева Маргарита вместе с мужем и сыном бежала к шотландской границе.

30 марта Эдуард IV занял Йорк. Он приказал снять с городских ворот головы своих отца и брата. Останки Ричарда и Эдмунда Йорка с почетом захоронены в Помфрете. Однако место на воротах столицы Севера не осталось пустым – в знак победы йоркистов въезд в Йорк теперь «украшали» головы сторонников Ланкастеров.

В течение нескольких недель Эдуарду IV удалось подчинить себе северные графства. Маргарита Анжуйская и Генрих VI скрылись в Шотландии.

Итак, вести о победах Эдуарда достигли Бургундии в тот момент, когда молодой король находился в Йорке. В этот же день Филипп Добрый окончательно определился с симпатиями и пригласил новоявленных принцев к своему двору.

Маленькие изгнанники словно по волшебству превратились в принцев, которых следовало приветствовать по-королевски. Их путешествие из Утрехта в столицу Бургундии Брюгге вылилось в целую серию торжеств. 9 апреля в сопровождении 23 дворян из свиты Филиппа Доброго мальчика прибыли в город Слейс. Мэр и самые именитые горожане вышли встречать их к воротам, улицы Слейса были богато украшены, а на центральной площади в честь братьев нового короля Англии разыграли представление под аллегорическим названием «торжество добродетелей». Все это разительно отличалось от томительного ожидания предыдущих дней. Восемилетний Ричард и его брат Джордж, несомненно, чувствовали себя на гребне успеха.

Празднества в Слейсе растянулись на целую неделю. В Брюгге мальчики прибыли только 18 апреля. Жители Брюгге также устроили в честь «детей Йорка» пышное торжество, а герцог Бургундии простер свою благосклонность до того, что сразу же после приезда посетил мальчиков и «был с ними очень любезен». Вскоре Эдуард IV прислал письмо, в котором выражал желание видеть братьев на своей коронации. Получив множество подарков, Ричард и Джордж были отправлены в Кале в сопровождении почетного эскорта. Вероятно, к этому времени маленький Ричард уже немного освоился в новом статусе и воспринимал эти знаки почтения как должное.

Его возвращение в Англию ничем не напоминало поспешный и опасный отъезд – родина приветствовала принцев торжественными банкетами и празднествами, магистраты городов, через которые они проезжали, наперебой выражали братьям свое почтение, их размещали в королевских резиденциях. И все эти почести выпали на долю Ричарда и Джорджа благодаря успехам их брата – молодого короля Эдуарда IV. Когда речь идет о событиях пятисотлетней давности, психологические реконструкции – крайне неблагоприятное занятие. Тем не менее мы вряд ли ошибемся, если предположим, что в глазах Ричарда его брат Эдуард должен был выглядеть настоящим героем.

Первые годы Войн Роз, несомненно, наложили свой отпечаток на характер Ричарда III. Мальчик появился на свет спустя всего несколько месяцев после того, как его отец поднял вооруженный мятеж против короля. Его раннее детство пришлось на годы, когда Англия колебалась между войной и миром. Наконец, не дожив и до девяти лет, Ричард уже изведal все ужасы войны – смерть отца, плен, унижения, изгнание и тревожное ожидание вестей из-за моря. Мы не сможем понять историю последнего короля из династии Йорков, если забудем о том, что он был «сыном войны». Ричард Глостер попросту не знал другой жизни – о мирной «старой доброй Англии» он, несомненно, слышал, но вряд ли представлял себе, что это такое. Его Англия была страной, в которой постоянно шла жестокая борьба за власть, где головы противников выставляли на городских воротах и где даже дети не могли чувствовать себя в безопасности.

Глава 5. Воспитанник всемогущего Уорвика (1461–1464)

Воцарение Эдуарда IV изменило судьбу всех членов его семьи. Разумеется, новый король начал раздавать своим родным земли, титулы и доходные должности. Однако для Ричарда гораздо важнее было принципиальное изменение направления его будущей карьеры. Если бы герой этой книги остался младшим сыном герцога, он почти наверняка стал бы служителем церкви и окончил свои дни в сане епископа или аббата. Эта традиция позволяла не только расширить влияние рода, но и сохранить земли за старшими детьми. В королевских семьях поступали иначе. Вне зависимости от способностей, младшего брата короля ждали государственные, придворные и военные должности.

Первой государственной акцией, в которой Ричард принял участие, стал торжественный въезд нового монарха в Лондон 26 июня 1461 г. Еще за воротами столицы короля встречали мэр и олдермены в алых одеждах и 400 самых именитых горожан в зеленом. Ричард ехал в нескольких шагах позади брата. Он видел, как богато украшены улицы столицы, как восторженно горожане приветствуют нового короля. Вероятно, в этот момент Ричард ощущал радость и гордость. Королевский кортеж торжественно проследовал в Тауэр, где Ричарду были выделены отдельные покои. На следующий день должна была состояться коронация Эдуарда IV, перед которой король посвятил несколько десятков молодых дворян в рыцари ордена Бани.

Традиция посвящения в рыцари накануне коронации существовала еще со времен Вильгельма Завоевателя, однако орден Бани возник позднее, в царствование Генриха IV – первого короля из династии Ланкастеров. Легенда гласит, что этого короля охраняли 36 рыцарей, которые следовали за ним буквально повсюду. Даже когда монарх совершал ритуальное омовение, 36 верных были с ним. Памятуя об этом событии, Генрих IV и учредил орден Бани, первыми рыцарями которого стали, разумеется, те же 36 человек. В середине XV в. принадлежность к ордену Бани стала своеобразным символом монаршей благосклонности. По обычаю, в рыцари этого ордена посвящали молодых дворян, еще не имеющих рыцарского пояса. Накануне коронации Эдуарда IV рыцарями ордена Бани стали 28 человек, в том числе его младшие братья – восьмилетний Ричард и двенадцатилетний Джордж.

Хотя будущий Ричард III еще далеко не достиг возраста мужества, принадлежность к царствующему дому позволяла пренебречь формальностями. Вечером 26 июня Ричард прошел через весьма любопытную церемонию. Эта часть обряда фактически представляла собой публичное омовение. Маленького Ричарда привели в специальную комнату, главным украшением которой служила массивная ванна. Буквально через несколько минут помещение наполнила целая толпа рыцарей и сквайров. Обычай требовал, чтобы они пели и танцевали, «всеим своим видом выражая веселье», поэтому Ричарда раздевали с песнями и шутками. Как только мальчик оказался в ванне, главный рыцарь Ордена начал поливать его плечи водой и подробно рассказывать об уставе ордена Бани, а также о правилах рыцарской чести. По окончании этой довольно своеобразной лекции специальное должностное лицо – орденский парикмахер – помог Ричарду одеться и высушить голову. В качестве платы за свои услуги парикмахер получал курьезную с точки зрения современного человека награду – саму ванну. Обычно этот предмет не использовали, а попросту продавали.

В остальном церемония посвящения в рыцари ордена Бани мало отличалась от традиционного обряда. После омовения несколько рыцарей проводили Ричарда в капеллу, где он должен был провести ночь в молитвах и благочестивых размышлениях. Перед рассветом мальчик исповедался, прослушал заутреню и торжественную мессу. Затем его проводили в постель, чтобы он мог поспать хотя бы пару часов.

Утром 27 июня началась последняя, пожалуй, самая торжественная часть посвящения, растянувшаяся на несколько часов. Ричарда разбудили, одели и проводили к выходу. Маль-

чик оказался во внутреннем дворе Тауэра. Вход в королевские покои находился буквально в нескольких метрах, но ритуал требовал, чтобы это расстояние Ричард проехал на коне. Младшего брата короля сопровождала целая толпа, например, специально назначенный юноша нес перед ним меч и шпоры. Затем Ричарда проводили в залу, где его брат восседал на троне в окружении самых знатных лордов. По команде Эдуарда IV к ногам мальчика прикрепили золоченые рыцарские шпоры. По традиции король слегка ударил Ричарда мечом по плечу, поцеловал и напутствовал словами: «Будь добрым рыцарем». Затем Ричард должен был вернуться в капеллу, чтобы посвятить свой меч церкви. На выходе из храма мальчика поджидал еще один «куръез» – дорогу ему преградил королевский повар, который предупредил, что если Ричард сделает нечто, противоречащее законам рыцарства, он придет, чтобы сорвать шпоры с его ног.

Приняв к сведению грозные слова повара, младший брат короля отправился на торжественный обед, где он не должен был прикасаться ни к воде, ни к пище. Для восьмилетнего ребенка, ничего не евшего с прошлого вечера, это, скорее всего, стало тяжелым испытанием. Затем Ричарда проводили в его комнату и облачили в церемониальный наряд рыцаря Ордена Бани – голубой камзол с белым капюшоном и вышитой белым шелком эмблемой Ордена на плече.

Завершением необычайно насыщенного дня стала торжественная процессия, проследовавшая из Тауэра в Вестминстер. Этот ритуал был неотъемлемой частью коронации всех английских монархов. Эдуард IV проехал по празднично украшенным улицам Лондона в сопровождении придворных, именитых горожан и конечно же рыцарей ордена Бани. Ричард был самым младшим из них и, наверное, волновался больше всех.

На следующее утро 28 июня состоялась коронация Эдуарда IV, днем все пировали, а ближе к вечеру отправились на рыцарский турнир. В эти дни пышные церемонии следовали одна за другой; положение королевского брата обязывало Ричарда присутствовать на каждой из них. Скорее всего, к этому времени восьмилетний мальчик уже устал от бесконечных торжеств. Блестящий, похожий на спектакль церемониал, в котором каждый придворный четко следовал своей роли, по-видимому, оставлял его безучастным. Во всяком случае, повзрослев, Ричард проявлял удивительное для того времени равнодушие к придворным празднествам и даже не участвовал в турнирах.

В XV в., если речь шла об особах королевской крови или аристократах, возраст и физическое состояние зачастую просто не принимались во внимание. Ребенок мог получить не только титул, ношение которого не требовало особых усилий, но и должность, подразумевавшую исполнение множества обременительных обязанностей. Вскоре после своего девятого дня рождения Ричард приобрел и то и другое. 1 ноября 1461 г. он получил титул герцога Глостера, через пару недель стал рыцарем ордена Подвязки, а 13 ноября был назначен ответственным за сбор войск в Вестморленде, Камберленде, Нортумберленде и Йоркшире. Разумеется, на деле Ричард не принимал в формировании армии никакого участия – должность всего лишь обозначала его высокое положение. Помимо Ричарда, этот пост занимал его двенадцатилетний брат Джордж, а также те, кто в действительности контролировал сбор ополчения – лорды Уорвик и Монтегю.

И все же получение рыцарского пояса и первой должности полностью изменило жизнь Ричарда – с этого момента он вошел в мир взрослых. В XV столетии эта резкая перемена происходила со всеми мальчиками 7–8 лет. В случае с Ричардом Глостером политические события позволяют довольно четко провести эту грань – до воцарения Эдуарда IV он, по-видимому, еще воспринимался как ребенок. После восшествия на трон династии Йорков Ричард в одночасье превратился в могущественного герцога Глостера, опоясанного рыцаря, исполняющего свой долг перед короной. Игрушки и детские игры должны были остаться в прошлом, теперь Ричарду надлежало одеваться и вести себя как молодому мужчине. Он также получил право участвовать во всех взрослых играх, развлечениях и занятиях.

Помимо прочего, у юного герцога Глостера появился собственный штат придворных. Не все расходные книги за этот период сохранились; тем не менее мы знаем, что Ричард пользовался услугами четырех пажей (т. е. четырех мальчиков благородного происхождения и примерно одного с ним возраста, которые были скорее его товарищами по играм, чем слугами), двух менестрелей и десятка слуг и служанок.

Это крошечное сообщество функционировало как часть королевского двора. Эдуард IV вовсе не был домоседом. Он постоянно путешествовал и по политическим причинам, и просто для удовольствия. То же самое был вынужден делать и его младший брат. Хозяйственные документы показывают, что вещи, необходимые герцогу Глостеру и его придворным, посылались то в Вестминстер, то в Гринвич, то в Лестер, то в Кентербери. Как уже было отмечено в первой главе, этот полукочевой образ жизни был вполне типичен для аристократов, поэтому вряд ли казался Ричарду странным или неудобным.

Следующим важным событием в жизни юного герцога Глостера стало, выражаясь современным языком, получение практически ориентированного образования. После того как ситуация в королевстве хотя бы относительно стабилизировалась, Эдуард IV счел возможным отослать младшего брата на воспитание ко двору самого могущественного и популярного аристократа того времени, своего главного союзника – лорда Уорвика.

Напомним, что в XV столетии мальчики из аристократических семей не помещались в учебные заведения и не воспитывались дома – в возрасте 7–8 лет их отсылали к друзьям или родственникам, дабы они научились хорошим манерам и искусству владения оружием. Считалось, что воспитание в чуждой семье прививает стойкость, позволяет ребенку гораздо лучше усвоить необходимые навыки и способствует приобретению нужных социальных связей. Неудивительно, что между воспитанником и опекуном нередко возникали очень близкие, почти родственные отношения, а его дом начинал восприниматься как родной. Именно это и произошло с будущим Ричардом III. Любимая резиденция Уорвика – замок Мидлхэм – впоследствии стал истинным домом Ричарда, местом, которое он предпочитал всем остальным.

Впервые Ричард увидел Мидлхэм в ноябре 1461 г. К тому времени замок имел уже очень длинную историю. Мидлхэм начал строиться еще во времена Норманнского завоевания, и каждый новый хозяин стремился украсить замок и сделать его еще более неприступным. В XIII в. вокруг донжона возвели мощные стены с несколькими башнями, в замке появилась капелла; в XIV столетии была построена массивная надвратная башня, в XV – появились обширный жилой корпус и каменные службы; тогда же в стенах главного зала были пробиты высокие стрельчатые окна, украшенные изысканными витражами. К сожалению, в наши дни от Мидлхэма остались лишь величественные развалины. Однако мы можем представить, как прекрасен был этот замок во времена Создателя Королей. Мощные стены и квадратные башни; глубокий ров и огромная стрельчатая арка ворот; несколько внутренних двориков; наконец, множество залов и комнат с высокими готическими сводами. Особенно роскошным был главный зал, предназначенный для пиров и торжественных церемоний. Огромные витражные окна даже в пасмурные дни дробили свет на множество цветных квадратов, ромбов и прямоугольников; стены покрывали яркие росписи и не менее яркие гобелены.

Мидлхэм был не просто одним из замков Уорвика, именно там этот могущественный магнат, как говаривали в те времена, держал свой двор. Дело в том, что в XV в. вокруг каждого аристократа формировался свой собственный двор с пышными церемониями и сложным протоколом. Мидлхэм наполняли не только сторонники и слуги Уорвика, при самом влиятельном магнате Англии кормилось с десятков менестрелей, артистов и даже несколько ученых. Плодом их работы стала, в частности, «удлиненная» родословная всемогущего графа, в соответствии с которой его далеким предком якобы был покинувший разрушенную Троию Эней.

Кроме того, в Мидлхэме постоянно проживала семья Уорвика – его супруга Анна (урожденная графиня Бошам) и две дочери – Изабелла и Анна. В 1461 г. Изабелле исполнилось

десять лет, Анне – пять. Впоследствии младшая дочь Уорвика Анна Невиль стала супругой Ричарда. Исторические источники не позволяют судить о том, как складывались отношения Ричарда и Анны в годы, когда будущий король воспитывался в замке Уорвика, и это отсутствие сведений открывает возможность для любых фантазий. С уверенностью можно утверждать только одно: Ричард провел в Мидлхэме три года (с конца 1461 по 1464-й), то есть он оставался там, пока ему не исполнилось двенадцать, а Анне восемь. В столь нежном возрасте их вряд ли могли связывать сколько-нибудь романтические отношения, к тому же до 1472 г. никаких переговоров о браке Ричарда и Анны не велось. Вместе с Ричардом на воспитание Уорвику был передан и его старший брат Джордж, но, по-видимому, братья не так уж много общались.

Вероятно, в то время Ричарда гораздо больше занимало приобщение к самой важной и интересной для средневекового юноши науке – «науке рыцарства». От рыцаря требовались, прежде всего, храбрость, мужество и прекрасное владение оружием. В XV столетии не меньшее значение имели навыки, не имеющие прямого отношения к ратным подвигам. Истинный рыцарь должен был бегло говорить по-французски, изящно танцевать, ухаживать за дамами, складывать свои или хотя бы с чувством декламировать чужие стихи, и, разумеется, участвовать в придворных церемониях. Все эти умения приобретались не на уроках, а через участие в жизни взрослых и подражание им.

По всей вероятности, обычный день Ричарда был точно таким же, как и у любого юноши, находящегося на воспитании в аристократическом семействе. В XV столетии обитатели замка вставали с рассветом, и не только потому, что так повелось «испокон веку». Искусственное освещение оставляло желать много лучшего. Факелы, свечи и масляные светильники давали скудный, неровный свет, и к тому же использовались весьма умеренно. Только по большим праздникам в главной зале замка бывало «светло как днем».

Современный человек представляет жизнь в рыцарском замке в романтическом ореоле. Однако по нынешним меркам существование Ричарда Глостера было лишено даже элементарного комфорта. Прежде всего, младший брат короля не пользовался никакими привилегиями. Ричард должен был делить комнату со своими ровесниками, двое из которых – Роберт Перси и Френсис Ловелл – впоследствии стали его близкими друзьями. По обычаю того времени, юные пажи спали в одной кровати. Нам это может показаться диким и негигиеничным, но в Средние века мебель стоила очень дорого. Кровать на одного была роскошью, доступной лишь избранным. Все прочие спали по трое, четверо и даже пятеро. Те, кому не хватило места на общем «топчане», укладывались на лавках или сундуках. Уединение, как и комфорт, в принципе не считалось необходимым, и даже самые интимные моменты были буквально выставлены на всеобщее обозрение.

Итак, Ричард поднимался с общей постели примерно в 4–5 часов утра. В каком бы покое замка Мидлхэм не ночевали юные лорды, камин в лучшем случае топили один раз в сутки – на ночь, поэтому с осени до весны брат короля умывался и одевался в выстуженном помещении, по которому гулял изрядный сквозняк. Затем все родовитые обитатели замка собирались в капелле, чтобы прослушать мессу. Только после этого можно было отправиться на завтрак. Еда была сытной, но, на взгляд современного человека, для завтрака совершенно неподходящей – подавали тушеное со специями мясо, хлеб и... пиво, которое пили все от мала до велика.

После еды Ричарду вместе с другими юношами, воспитывавшимися в Мидлхэме, надлежало приступить к урокам. Ни четкого расписания, ни внятного распределения предметов не существовало. С мальчиками занимался капеллан Невилей, который выбирал дисциплины и темы, ориентируясь исключительно на собственное настроение. Процесс обучения практически не контролировался, но в число обязательных предметов входила латынь (ее обычно забывали сразу же по окончании учебы), французский, право, математика, музыка и чистописание. Все это изучалось довольно поверхностно, хотя к середине XV в. дворянин уже обязан был бегло читать, писать и владеть хотя бы основными знаниями в области права и математики.

Вероятно, гораздо более интересными были уроки, на которых капеллан Невилей знакомил своих учеников с трактатами, посвященными правилам рыцарской чести, описанию турниров и придворных манер, а также с одной из важнейших наук средневекового общества – геральдикой. Каждый рыцарь должен был разбираться в чрезвычайно сложных переплетениях родословных главных дворянских родов.

Около 10 часов утра все обитатели замка собирались в главной зале на обед. Хозяйева размещались за небольшим столом под балдахином, все остальные, в строгом соответствии с социальным статусом, усаживались за длинный общий стол. Меню оставалось почти таким же, как за завтраком – мясо (обычно в нескольких видах), хлеб и неизменный эль. Представление о правильном питании в Средние века было весьма своеобразным, продукты делили не на вкусные и полезные, а на престижные и не престижные. Мясо, естественно, было статусной пищей и составляло основу рациона любого дворянина. Овощи присутствовали только в виде незначительных добавок. Хлеб воспринимался не только как продукт питания, но и как тарелка. Дело в том, что в XV в. на стол обычно ставилось большое общее блюдо с тушеным или жареным мясом, из которого каждый брал по куску. В зависимости от собственных пристрастий, гости могли вытаскивать куски ножом или руками, хлеб же служил для того, чтобы стекавший соус не запачкал одежду. Парадные обеды проходили в более торжественной обстановке, но в обычные дни все вкушали пищу «как в старые добрые времена».

После обеда наступал черед упражнений на свежем воздухе. С помощью слуг Ричард облачался в доспехи и выезжал из замка, чтобы потренироваться в обращении с оружием. Рыцарю следовало в совершенстве владеть мечом, боевым топором и кинжалом. Его обучали как конному, так и пешему бою. Время от времени между воспитанниками устраивались потешные турниры, на которых тем не менее можно было получить настоящую травму. Юные рыцари сражались тупым оружием, но от вывихов и переломов никто не был застрахован. Кроме того, Ричарда обучали верховой езде; он также должен был в совершенстве овладеть приемами соколиной и псовой охоты.

Вернувшись в замок и приведя себя в порядок, юноши отправлялись на ужин – его подавали в 4 часа дня зимой и в 5 летом. Вечер занимало изучение пения, игра на арфе или флейте и, что имело гораздо большее практическое значение, уроки танцев. Эти навыки осваивались не только через скучные занятия – юные рыцари участвовали во всех развлечениях двора. Вечерами обитатели замка танцевали, слушали выступления менестрелей и декламацию стихов. Нередко вслух читали рыцарские романы, отрывки из хроник или рассказы о подвигах античных героев. Не только дети, но и взрослые с большим удовольствием слушали сказки и то, что можно условно назвать «страшными историями» – рассказы о мистических существах, странных местах и потустороннем мире. Распространенным развлечением были игры, которые сейчас считаются детскими – прятки и жмурки. Более изысканным времяпрепровождением считалась игра в слова – дама называла цветок или какой-то предмет, а кавалер должен был ответить пышным комплиментом в стихах, где, разумеется, упоминалось загаданное слово.

По всей видимости, в годы, проведенные в замке Уорвика, здоровье Ричарда наладилось. Во всяком случае, ни один сохранившийся документ не содержит упоминаний о его серьезных недомоганиях. Быть может, эта перемена была вызвана усиленными физическими упражнениями. Известно, что в более поздние годы Ричард стал одним из лучших воинов королевства, и это превращение не могло не потребовать от него значительных усилий, больших, чем вкладывали в обучение его полностью здоровые сверстники.

Разумеется, Ричард не был обязан все время оставаться в Мидлхэме. В конце 1462 г. он покинул замок, чтобы встретить Рождество в Фотерингее вместе с Эдуардом IV и другими членами королевской семьи. Затем он ненадолго вернулся в Мидлхэм, но уже 30 января вновь приехал в Фотерингей, чтобы присутствовать на грандиозной церемонии, посвященной памяти его отца. Отец Ричарда был убит 30 декабря 1459-го, таким образом, с момента его смерти про-

шло два года и один месяц. В первый день заупокойных торжеств в часовню замка Фотерингей проследовала длинная вереница вассалов и родственников герцога Йорка, среди которых был и будущий Ричард III. Священники несли резные изображения ангелов, святых и королей. Последнее было особенно важно – таким образом покойный Ричард Йорк символически помещался в число британских монархов. Заупокойную мессу также отслужили с поистине королевским размахом. Любопытно, что дальнейшие торжества носили вполне светский характер. В память о герцоге Йорке были организованы пиры, празднества и даже небольшой рыцарский турнир. 10-летний Ричард, разумеется, был слишком юн для того, чтобы участвовать в состязаниях рыцарей или танцах, но на пиру ему было отведено почетное место рядом со старшим братом.

По всей видимости, после смерти отца Эдуард IV начал относиться к Ричарду с большой теплотой. В 1462–1463 гг. король даровал младшему брату несколько крупных поместий в графствах Пемброк и Сомерсет. Помимо земель, в 1462 г. 10-летний Ричард получил должность адмирала Англии, Ирландии и Аквитании. Назначение ребенка на столь ответственный пост вовсе не было бессмыслицей. Поступая таким образом, Эдуард IV фактически оставлял этот важный пост за собой. К тому же даже номинальное исполнение обязанностей адмирала давало Ричарду бесценный жизненный опыт.

Впрочем, юный Ричард Глостер очень скоро принял реальное участие в государственных делах. В Средние века дети выросли гораздо раньше, чем в наши дни, вернее сказать, им приходилось брать на себя несвойственные возрасту обязанности. В феврале 1464 г. Ричард, которому не исполнилось и двенадцати лет, был назначен ответственным за сбор войск в девяти графствах юго-запада Англии. В XV в. такие должности часто делились между двумя-тремя аристократами, но в данном случае разделения не было – сбор ополчения поручили одному Ричарду. Конечно же, у юного герцога Глостера были помощники, выполнявшие большую часть работы. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что февраль 1464-го стал важным рубежом в жизни Ричарда – в 11 с половиной лет его детство закончилось, мальчик стал юношей, достаточно взрослым для того, чтобы собирать войска и участвовать в военных действиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.